

18+ АЛЕКСЕЙ ЯРКОВОЙ

ИДЕАЛЬНЫЙ
МИР

Алексей Ярковой

Идеальный мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164898

ISBN 9785449854766

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кажется, что в этой книге, разделенной на три части, собрано несколько литературных жанров. Под одной обложкой собраны рассказы и сказки, короткие повести и небылицы, фантастика и реальные истории. Здесь рядом комическое и трагическое, чистый вымысел и двойной смысл, сатира и философия. Главные герои: маленькие люди из 90-х, которые рассказывают короткие истории, социум насекомых, имеющий сходство с сообществом людей «нулевых» и публика из альтернативного будущего, где гротеск иногда жесток. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Корпус первый. Болты и гайки	5
Воспитание чувств	5
Обида	14
Высокое качество	21
Буксиры	27
Из жизни НЛО	33
Сила слова	40
Ошибка	48
Поход в баню	55
Философия налива	65
Техника безопасности	68
Корпус второй. Тараканьи бега	74
Невероятная история	74
Свобода слова	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Идеальный мир

Алексей Ярковой

© Алексей Ярковой, 2020

ISBN 978-5-4498-5476-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Корпус первый. Болты и гайки

Байки автослесаря

Воспитание чувств

Был такой период в нашей истории: накрылась великая советская страна медным тазом, разбежались по углам союзные республики. И каждый начал сам ковать свое счастье в меру его понимания, в силу возможностей и удачливости. Кто торговал пирожками, кто штанами и куртками, кому-то повезло оказаться в период развала СССР на нефтеперерабатывающем заводе. Вадим Петрович был мастером спорта по боксу и, как позже с усмешкой рассказывал нам, сколотил свое состояние – скорее не состояние, а первоначальный капитал, как это модно было тогда говорить, – на мороженом:

– Ага. Все смеялись надо мной. Пальцем показывали. Смотрите, Петрович мороженками торгует. Вот дурачок. Не нашел чем зарабатывать! Нет, чтобы, как Женька, бензин продавать. И ха-ха-ха! Да только по осени я уже улыбался. За первый же сезон накопил столько бабла, чтобы на дом хватило.

Купил Петрович осенью после успешного сезона торговли мороженым дачу, обустроил ее за зиму, весну. Вкладывал

душу в ремонт, иногда выжимая все соки из своих работников. За зиму убрали весь мусор с участка, перетрясли полностью домик, весной обложили кирпичом, обшили панелями, вставили пластиковые окна, отопление электрическое наладили, перекрыли оранжевой черепицей крышу. Как потеплело и сошел снег в огороде, газон под фруктовыми деревьями раскинули и ровенький забор из нового штакетника сколотили. Словом, к майским праздникам посреди серого и скромного дачного советского поселка появился островок цивилизации, почти альпийский домик.

А в середине девяностых житье у народа было бедное, ничтожное. Кто не имел предпринимательской жилки – или зубы на полку, или воровать, или металлолом искать, что зачастую становилось, впрочем, тем же воровством, поскольку беспризорное советское железо очень быстро закончилось.

И стали потихоньку страждущие в поисках наживы шарить по дачным кооперативам. Особо ценного имущества тогда на дачах не держали, и все, как правило, равны были в бедности. Ну, радиоприемник «Урал» или старый черно-белый телевизор «Горизонт» – это максимум, что можно было из техники найти, поэтому воришки не брезговали ничем. Есть чермет (трубы для полива) – отлично, раскрутим и сдадим в лом, а если цветмет – тем более хорошо, за него на порядок больше дадут скупщики. Садовый инструмент, ложки, вилки – тащили все, что можно сдать или продать на рынке. Забирали не только продукты, оставлен-

ные хозяевами, выгребали все, что росло. Приезжают трудящиеся в субботу урожаи собрать, а ни клубничники, ни крыжовника, ни винограда, ни яблок или груш – ничего, все обобрано подчистую. Боролись, конечно, с этим кто как мог в силу своей фантазии и доступных средств. Опрыскивали сад от жучков всяких чем-нибудь поядовитее, мышеловки ставили, капканы, решетки железные, заборы колючей проволокой (скоммунизженной на казенном предприятии) обносили, кто-то собак оставлял. Да только толку от всех этих придумок не очень много было. Известное дело: человек – венец природы, хитрее зверя нет. Как говорили бензовозчики, на дырку с редкой резьбой всегда найдется винт с нужным шагом.

Между тем Петрович был человеком практичным, обосновался на все лето капитально: на даче кондиционер установил, холодильник привез, телевизор с видеоманитофоном, микроволновку, плиту газовую, во дворе мангал большой поставил. И за всем этим хозяйством у него практически круглосуточно кто-нибудь приглядывал: когда сам был на месте, когда своего помощника по бизнесу оставлял подежурить. Но чаще всего в доме оставалась хозяйничать мадам, которую он взял к себе в качестве универсальной рабочей единицы: сготовить, постирать, помыть, прибрать, продукты купить и просто в роли курьера куда-нибудь слетать. Так что от жуликов, шаривших по округе, он особо не страдал. Сунулись они пару раз как-то, но на участок под при-

смотром бдительных помощников напасть не решились.

Дважды в неделю, каждую субботу и воскресенье, Петрович посылал водителя с подручной по хозяйству дамой на рынок, закупалось мясо на шашлык, соленья разные, сыр, колбаса, зелень, огурчики, помидорчики и, разумеется, милым дамам шампанское в коробках, мужикам пиво в упаковках и водка в ящиках. Зазывались друзья-товарищи, во дворике на газоне, под деревьями и шатром из виноградных лоз, устраивались застолья, маленькие праздники, на которых местная братва обменивалась новостями. Тут заключались сделки, строились планы, под гитару пелись песни. В общем, получалось так, что своим бурным ритмом жизни отпугивал Петрович жуликов и на соседних участках. Хороший Вадим Петрович сосед оказался, повезло владельцам дачных домиков в округе.

И вот, значит, проходит как-то очередной праздник души в один из теплых первых майских дней. Шашлыки на углях шкворчат, пробки от шампанского хлопают, дамы взвизгивают, гости на джипах на площадке перед дачей паркуются, гомон стоит, и ароматы аппетитные разносятся по округе.

Петрович в отличном расположении духа около ворот прохаживается, потягивает пиво из кружки, покуривает дорогую сигарету «Парламент», советы дает, кому как тачку поставить, руки пожимает входящим.

На весь этот шум и гам из домика напротив выходит к околице щуплый с бородкой старичок – полюбопытствовать, что

происходит, кто и по какому поводу.

– Здорово, Вадим, – узнает он Петровича, поправляет на сморщенном птичьем лице очки с привязанными синей изолентой дужками и продолжает: – По какому случаю гуляем?

– О! Василий Иваныч! Привет, привет! Ты, отец, совсем от жизни отстал, все проспал. Ветеран завода, ветеран труда, про Праздник Весны и Труда забыл. Заходи! По такому случаю заходи, тятнем по соточке.

Но старичок отнекивается, головой крутит – гордость пролетарская, видимо, не позволяет:

– Куда мне с вами, молодыми, в одну компанию, мое время прошло. Мое дело стариковское.

– Ладно тебе! Загляни на минутку, – Петрович кладет ему на плечи свою огромную ручищу, похлопывает, подталкивает, – не побрезгуй, нам честь с таким дядькой посидеть, пошли-пошли.

Борется с рукой и с собой, со своими принципами, комплексами старичок – как бы с буржуями новыми невозможно, неправильно будет. Но беда – стол на изумрудной поляне выглядит уж очень заманчиво. И тут еще на фоне этой роскоши вспоминается пенсионерское тихое житье вместе с холодильником, где не одна мышь повесилась. А у соседа шашлычки дымятся, соленья благоухают, в стеклянных литровых банках черная икра рядом с покрытыми инеем бутылками «Абсолюта» (только что из морозильной камеры).

Ну и кто тут выдержит? Опять-таки праздник – дело святое, в общем-то, за солидарность и единение классовое, почему бы не махануть?

Одним словом, выпивают Вадим Петрович с Василием Ивановичем по рюмашке-другой. И разомлевший, раскрасневшийся старичок между делом делится тяготами своего бытия. Повествует немного с сарказмом и самоиронией, без имен и фамилий, чтобы, не приведи господи, не омрачить настроение хозяина и гостей, о том, как терпит он лишения от воря всякого. Трубы ржавые для полива, дай бог памяти, со времен хрущевских никто не трогал, а тут и трубы унесли, и инвентарь садовый из сарая сперли – замок навесной перекусили, подчистую все вынесли. Вот так и поделился Василий Иванович наболевшим и закусил, выпил. Кажется, и душе легче, и в теле бодрость образовалась. Напоили дедушку братки потом чаем, до домика проводили, а Петрович, расстроганный историей, по широте душе велел на следующий день своему помощнику купить старичку комплект садовых инструментов и трубы для полива.

Между тем встреча эта одной только благотворительностью не закончилась. Зацепился крепко в памяти у Вадима рассказ старичка, не любил Петрович всякие несправедливости. Одно дело – государство обуять, и совсем другое – безответных, беспомощных пенсионеров обирать. С этого дня внимательнее стал Петрович за рулем синего «Форд Эксплорер». Теперь, проезжая на своем лобастом синем джипе

на дачу, бдительно смотрел он не только на полотно дороги, встречные машины, но и по сторонам, участки сканировал.

Наконец, спустя неделю, как-то едет он к себе на дачу пообедать, можно сказать, перекусить, хозяйство проверить, с супругой о делах переговорить, а навстречу ему по обочине дороги рысцой два мужика.

На плечах трубы малого диаметра, как раз для полива огородов, в руках связки кранов, за плечами набитые «бог весть чем» рюкзаки, через плечо всякая утварь на бечевках. Классический случай. И гадать не нужно.

Петрович резко тормозит, преграждая парочке дорогу, и, опустив боковое стекло джипа, спрашивает ледяным голосом:

– Где взяли?

На жуликов медленно оседает облако рыжей пыли. Они останавливаются, поднимают головы, вытирая бисер пота на лбах.

– Не твое дело! – огрызается один из мужичков.

– В райотдел, что ли, вас свезти? – холодно говорит Вадим.

– Да че те надо? – возмущается другой.

Тогда Петрович моментально, не задумываясь, выходит из своего танка. Секунда, и вот уже стоят перед мужичками сто двадцать килограммов мышц, при этом каждую, как говорится, можно опробовать немедленно в деле.

– Придется, ребята, вас жизни поучить, чтобы неповадно

было народ обижать.

– Бить будете?

– Не. Нах нужно. Вы щас сами друг друга отмудохаете, – говорит с усмешкой Петрович.

– Это как это?

– Все по чесноку. Быстренько в спарринг встали, стойку приняли. Кто выиграет, того отпущу.

– А кто не хочет?

– Ну, тогда спарринг со мной. По очереди.

Мужички топчутся, повисает неловкая пауза. Все понимают, что шансов у них нет. Кулак Петровича размером с голову.

– А кто проиграет? – осторожно спрашивает один из жуликов.

– Значит, кто выиграет – отпущу. Кто проиграет, пойдет со мной на место относить то, что свинтили по участкам, и отрабатывать долги.

Делать нечего – выбор небогат. Начинают они друг друга толкать, после пары минут имитации кому-то вдруг кажется, что якобы его больнее и обиднее задела, чем он супротивника. Раздается краткий сухой мат, всплеск адреналина подстегивает лучше любого кнута, и понеслось. Даже не картина маслом, а, как говорили тогда, махач на всю катушку.

– Короче, так пошло дело, что пришлось мне их растаскивать. Думаю, поубивают на хрен друг дружку. Юшку аж пустили. Глаза стали как у начинающих пчеловодов. Пришлось

взять за воротники и растащить, – рассказывал на следующий день Петрович на нефтебазе знакомым слесарям и водителям.

– Эх, Вадим! С тобой когда-нибудь помрешь со смеху. А потом? – вытирая слезы, говорили водилы.

– Я слово держу. Одного отпустил.

– А как ты определил победителя?

– Не! Пацаны! Тут все просто. Ясен пень – у кого морда целее осталась.

– А второй?

– Второй пошел со мной барахло разносить и краны прикручивать. Все честно.

История эта, впрочем, имела вторую серию. Через неделю-другую Петрович поймал еще одну парочку дачных воров. Как предприниматель со смекалкой и человек творческий, он повторяться не стал, проявил изобретательность. Заставил жуликов снять всю одежду, включая нижнее белье, забрал их шмотки и отпустил восвояси.

Я не знал реальной статистики раскрытых и нераскрытых преступлений, не знал степени успехов местной милиции, но, так или иначе, по Красноармейскому району пошел слух о новом Робин Гуде, и с тех пор очень долго дачный кооператив «Нефтяник» воры и мародеры старались обходить стороной.

8 сентября 2015 – 23 марта 2016 гг.

Обида

Фамилия у него была неинтересная, но крепкая, как и его рукопожатие: Чередниченко. Впрочем, не в фамилии дело, судьба распорядилась так, что жизнь Ивана Ивановича на всем ее протяжении – от молодого водителя грузовика и до матерого предпринимателя, торгующего топливом в бензовозах, – была связана с дорогами. А там, где дороги, у нас тогда царствовали вездесущие продавцы полосатых палочек, или, как их раньше любили называть, гаишники. Неисчислимо лиха потерпел от них Чередниченко. Как никому другому досталось ему от блюстителей порядка и беспорядка на дорогах.

И был у Ивана Ивановича знакомый генерал. Не совсем генерал, не действующий генерал, а генерал в отставке по выслуге лет. Бывший сотрудник органов внутренних дел. И вот как-то Иван Иванович зашел вечером в гости к другу. За бутылочкой беленькой разговорились. Прошлись по обычным темам: про охоту, про рыбалку, про женщин и работу. Отставник его пригласил на ближайшие выходные съездить с ним на джипе в пойму Волги – куропаток пострелять. И тут вспомнил Иван Иванович, что закончился у него срок действия охотничьего билета. Новый нужно оформлять, справки собирать, фотографироваться. Справки в начале девяностых, если были деньги, получить можно было безо всякой

волокиты, только плати, а вот фотографироваться приходилось лично идти. Чередниченко в шутку и говорит отставному генералу: «Дай мне китель свой, я для солидности в нем сфоткаюсь». А тот отвечает: «Да на, какой вопрос, только не потеряй». Достал из шкафа генеральский мундир, галстук, сложил все это в пакет и вручил другу. На следующий день, проверив с утра все «ответственные точки» своего бизнеса, Чередниченко приехал на «Волге» цвета воронового крыла в фотоателье. Выцветшие вывески с названиями организаций бытовых служб в советском формате тогда еще можно было встретить на улицах городов. Галстук на белую рубашку пристегнул, китель накинул, сделал ответственное лицо, посмотрел в зеркало заднего вида – настоящий генерал. И пошел фотографироваться. Приемщица заказов проявила крайнюю степень вежливости и расторопности. Фотограф, хромой косоглазый старик, немного нервничал и едва не повалил огромный черный куб фотокамеры на трех ногах. Между тем после снимка (замрите, чуть влево голову, вспышка, зайчики в глазах) Иван Иванович собрался уже снять китель и поехать домой на обед, но, выглянув в окно, вдруг увидел, что рядом с его машиной, которую он поставил под знаком «остановка запрещена», прогуливается в ожидании жертвы молодой лейтенант дорожно-патрульной службы.

Чередниченко поднял брови, хмыкнул, поправил на себе генеральскую форму, нахмурившись, вышел из ателье

и быстрым шагом направился к своей «Волге».

Тем временем милиционер продолжал не спеша прогуливаться около автомобиля Ивана Ивановича со сложенными за спиной руками – ладонь в ладонь. На правой кисти раскачивался полосатый жезл, который временами нервно вздрагивал, словно хвост у разозлившегося кота.

Когда до машины оставалось метров десять, Иван Иванович остановился и во всю глотку рявкнул:

– Как стоишь перед старшим по званию?!

Ничего не подозревающий лейтенант в этот момент находился спиной к Чередниченко. От бычьего рева он не просто вздрогнул – у него подогнулись колени, и он едва не сел на тротуар. Оказавшись лицом к лицу с чистым гневом, лейтенант совсем оробел, фуражка, ожив, соскочила на асфальт и закатилась под «Волгу».

– Доложить! – нахмутив кустистые брови, рыкнул Чередниченко.

Милиционер метнулся вправо, потом влево вокруг «Волги», как бы выбирая кратчайший путь, и, вытянувшись струной, подошел неверным строевым шагом.

– Товарищ генерал-майор! Лейтенант Федоров по вашему приказанию прибыл.

– Ну и дурак, – грубо ответил Чередниченко. – Куда прибыл? Чего прибыл? Говори по существу. К пустой голове руку не прикладывают.

– Патруль... я. Патрулир-р-рую.

– Чего стоишь? Патруль, значит, патрулируй давай. Службы не нюхал. Фуражку потерял. Позор СССР. Быстро. А то я сейчас ты быстро отпатрулю. Хэх! Патрульщик, – и с этими словами, не глядя на стоящего столбом гаишника, Иван Иванович осанисто прошел к водительской двери своей машины, хлопнул дверью и затем, от души газанув, в клубах сизого дыма уехал.

До поворота, пока не опрокинулась отраженная перспектива, в зеркале заднего вида долго подрагивало удаляющееся изображение стоящего в ступоре лейтенанта. Рядом виднелся серый эллипс смятой колесом машины фуражки.

Но на этом коротком эпизоде занавес не опустился – история с карнавальными мстителями по воле случая продолжалась. Из фотоателье Чередниченко решил ехать домой на обед. Дорога его лежала по мосту через Волго-Донской канал, около которого находился стационарный пост ГАИ. И тут опять вспомнил Иван Иванович все обиды и разборки, штрафы и мзду, и такая взыграла вдруг в нем злость, что желваки стали ходить по скулам. Погоны придали уверенности в своих силах. Он крепко сжал огромными ручищами руль «Волги», наклонился вперед, высматривая жертву. Около поста между тем дежурил усатый рыжий прапорщик. День выдался жарким. Белое небо, белое солнце, белая придорожная пыль. Выгоревшая рубашка прапора намочила на спине. Ленивым, усталым взглядом, в поиске непристегнутых ремней и машин без номеров, он провожал глазами поток автомоби-

лей. Увидев в окне проезжающей «Волги» генеральские погоны, прапорщик на всякий случай приложил руку к виску. Черная «Волга» притормозила, в окно вынырнуло огромное карминовое лицо, маленькие злые глазки и золотой погон. Прапорщик, видимо, подумал, что нужно все-таки быть ближе к уставу строевой службы, и, подбежав к «Волге», отпартовал:

– Дежурный по посту канал патрульно-постовой службы прапорщик Саблин! За время несения службы происшествий не случилось!

Но, видимо, в тот день карты не ложились для него в масть. Генерал, брызжа слюной, высунулся в окно:

– Как докладываешь, прапорщик?! Что за форма?! Где строевой шаг?! Кругом! На исходную позицию шагом марш!

После повторного подхода и доклада Чередниченко оценил взглядом с головы до ног запыленного и мокрого от пота прапорщика, заставил его почистить до блеска сапоги, еще раз прогнал строевым шагом, отметил никудышную выправку и напоследок суровым голосом сказал:

– И смените форму, товарищ прапорщик! Что это? Отутюжить, постирать. Буду ехать обратно вечером – проверю.

– Так точно, товарищ генерал! Есть! Виноват! Исправлюсь! – с этими словами Иван Иванович выжал сцепление, подоткнул мясистой широкой ладонью передачу и укатил.

На следующий день, конечно, китель со словами благодарности вернулся к хозяину. О шутке Иван Иванович рас-

сказывать не стал. Душа наполнилась покоем, чувство мщения за прошлые обиды удовлетворено вчерашним диким куражом. История могла бы тем и окончиться, но иногда снаряд трижды попадает в одну и ту же воронку. Для особо удачливых. Спустя неделю или, быть может, меньше на том самом посту через канал, где Чередниченко в генеральской форме гонял прапорщика, его остановил для проверки документов сотрудник дорожной милиции в форме капитана. Пока гаишник сверял номера, листал техпаспорт, из постовой будки вдруг вышел тот самый позавчерашний прапорщик. Естественно, увидел знакомую «Волгу», памятные номера. На его лице мелькнула тень удивления, и он, подойдя к капитану, заглянул через плечо. Иван Иванович молча ждал окончания проверки. Прапорщик посмотрел на документы, потом на Чередниченко и осторожно что-то шепнул на ухо капитану. Тот с любопытством выслушал шепот и, возвращая документы Чередниченко, спросил:

– Где вы работаете, Иван Иванович, можно поинтересоваться?

– Да нигде. Так, торгую иногда, чем бог пошлет. Предприниматель я!

Капитан с прапорщиком переглянулись, и старший по званию уже тверже сказал:

– Тогда на каком основании вы разъезжаете в форме сотрудника органов? Придется нам оформить ваше задержание. Прошу выйти из машины.

Иван Иванович во весь голос захохотал, что задрожали стекла, и облокотился на открытое окно «Волги»:

– Ну вы, блин, даете! Пошли-пошли! Оформим. Только формы я не ношу. А вот вчера давал машину своему старшему брату порулить. Он хоть и генерал, но человек скромный. Взятки не берет, а служебная тачка в ремонте застряла. Вот он у меня волжаночку-то и одолжил на денек. Ну, чиво? Пойдем задержание оформлять? А?

Оба инспектора, вытаращив глаза, замерли на месте.

– Я говорю, вязать-то будете? Только потом мне один звончок дадите сделать? А? Братану.

Прапорщик, словно щука, вытащенная на берег, глотнул воздух. Капитан поджал губы и отмахнул честь:

– Счастливого пути!

– И вам, ребята, не кашлять, – засмеялся Чередниченко.

С тех пор в Красноармейском районе проблем у Ивана Ивановича с работниками дорожной милиции не было. Завидев его румяное и вечно веселое лицо, в ответ на сигнал или моргание фар «Волги» кто отворачивался и делал вид, что не видит, а кто приветственно поднимал ладонь к виску.

20 февраля – 28 июня 2012 г.

Высокое качество

Дверь в кабинет распахивается, и в офис заходит большой, дородный мужчина в ярко-красной рубашке и синих джинсах. Его румяное гладковыбритое лицо и василькового цвета глаза, весело бегающие под соломенными редкими бровями, выражают невероятную легкость жизни. На голове шапка рыжих, растрепанных степным летним ветром волос придает ему какую-то комичность. На ногах болтаются коричневые, покрытые толстым слоем пыли, потертые сандалии с расстегнутыми ремешками, слабо позвякивающими при ходьбе, словно шпоры на сапогах.

– Здорово, братки, – громовой голос заставляет менеджеров отвлечься от компьютеров.

– Привет, Иван Иванович, – по очереди кивают они.

– Дадите солярочки, отцы родные? Мне две шаланды залить, – добродушно говорит он.

– Ты садись, Вань, – отвечает ему один из менеджеров, – в ногах правды нет.

– Не садись, а присаживайся. Сесть мы всегда успеем, – скороговоркой и со смешком отвечает он, устраивается поглубже в серое кресло на колесиках. – Артурчик, выпиши, – на лице Ивана Ивановича крайняя степень нетерпения.

– Знаешь, Вань, подожди. Сейчас начальству рапорт по отгрузке нефтепродуктов сделаем и тогда тобой займем-

ся.

– От! От эт-т-то молодцы! Молодцы! Не то что некоторые, – туманно, но с веселостью в голосе говорит Иван Иванович. – Эх, хорошо стало работать. Тут тебе и тепло, и светло, и мухи не кусают. Не то что я в автоколонне тысяча пятьсот тридцать восемь работал лет двадцать назад. Водилой пахал на КраЗе по сменам. А еще и подрабатывать получалось. И чего только не было. Чего только не было, – начал свой рассказ в ожидании оформления документов Иван Иванович и красноречиво тряхнул головой. – Дело было зимой, в декабре. Морозы только-только установились. Я работал тогда в автоколонне пятнадцать тридцать восемь. Ну, сами знаете, та, что почти напротив заводууправления нефтезавода. Так вот. Машина тогда у меня была – сейчас уж не увидишь на дорогах. То был КраЗ. КраЗище. КраЗ еще тот, с деревянной кабиной. Двери фанерные, но силища, конечно, невероятная. Танк. Дашь газку – из выхлопной столб черного дыма и рев, как у тягача. Короче, вот. Знакомый у меня был тогда. Говорит, хочешь подкалымить? Всего делов – привези из коровника, что в Светлом Яру, самосвал навоза. Там тебе ребята накидают, а везти-то тут рядом с нефтебазой, что у берега Волги, в садовый кооператив. Пару часиков, и синенькую заработаешь. Ну, пять рублей. Верное дело. Ну, я тогда молодой был, долго не думал. А тут синенькую заработаю. По рукам. Чин чином приехал в совхоз. Разыскал местного главного по коровам. Задом сдал во двор. Накида-

ли мне навоз. А говно свежайшее, аж пар с него идет. Еду мимо заводууправления «Каустика», а меня все легковушечки норовят побыстрее объехать, вонища хуже, чем с химкомбината, пар идет, да еще я тут газую. Черный выхлоп из трубы с запахом дерьма из кузова – смесь ядерная.

Иван Иванович сидит подбочениваясь, одна рука тыльной стороной кисти уперта в бок, другую он, растопырив короткие говяжьи пальцы, положил на стол. Менеджеры уже забыли про отчет.

– Ехать недалеко. Сами знаете, как на пляж, на Волгу ехать. Та же дорога. Еду, думаю, лишь бы гаишников не было. Не отмажусь. Путевки-то нету. Штраф платить не хочется. Еще не заработал, а уже платить. Ну да отец небесный миловал. До переезда доехал. Там шлагбаум, правда, как на зло, взял и закрылся на переезде. Электричка, твою же гэбэ мать. Стою, газую, чтоб печка лучше работала. Намедни мороз припустил. Градусов двадцать. А я стою, газую. Народ, кто сначала за мной встал, задом сдает, форточки прикрывает. Понимают, что рабочий человек едет: от меня не духами несет. Уважают! Ну, электричка прошла. И доехал я наконец до садового кооператива. На воротах висит здоровенный амбарный замок. Посигналил, выбегает старичок – божий одуванчик. Я ему: так и так, везу заказное говно по такому-то адресу. Открывай, старый хрыч. А он мне: «Ничего не знаю». Мобильников тогда не было, куда мне деваться? Деваться некуда. Не буду же я с полной коробочкой по рай-

ону искать клиента. А время тикает, в автоколонну надо машину, а то диспетчер время потом проставит, и пиши начальству объяснительную записку, где был и чего делал. Уговорил деда, побежал тот в сторожку искать ключ. Нашел. А замок не открывается – вода в нем замерзла. Не открывается, и все тут, сука. Блин, сторож хренов, хоть бы смазывал. Он его и так и сяк. Говорю, дай я. Попробовал – не идет, и все тут. Обматерил я замок и говорю сторожу: ты дед как хошь, а я тебе у ворот навоз вывалю. А там заберет кто надо и куда надо. Посторожишь, ничего не случится. А дед мне: «Нет, милый, не пойдет». И советует мне: «А чего, давай напрямки по льду езжай. Лед крепкий, крепкий лед-то! Кооператив садовый идет вдоль берега Волги». Махнешь, говорит, тут краешком по льду, заскочишь и вывалишь где надо. Я, недолго думая, прыгаю в кабину, передача, газу, газу, и вперед. Времени в обрез. Проехал, может, метров десять. Слышу треск – не выдержал лед, пошла машина под воду, еле успел выскочить. Утонула как раз по крышу. Выбрался на берег. Вот так «напрямки»! Вот так подработал! Хотел стгоряча репу деду начистить, а тот закрылся в вагончике и кричит, собака: «Не тронь, милицию вызову». Махнул на него. Темнеть скоро начнет. В декабре дни короткие. Что делать? Побежал в автоколонну за тягачом.

Иван Иванович рассказывает громко, делает круглые страшные глаза, энергично жестикулирует красными ладонями.

– А начальник тогда у нас мужик суровый был, ветеран войны. Выслушал я тогда. Ох, выслушал. Такой шестиэтажный мат редко сейчас услышишь. Уши свернулись. Но тягач дал. Приезжаем на берег, он говорит: «Иди, пес, цепляй трос». А машина по самую крышу стоит в воде. Лед плавает, мороз градусов двадцать пять под вечер. Я ему: как же так, замерзну. Как, говорит, утопил, сученок, так и вытаскивай, не то я с тебя, паршивого кота, три шкуры спущу. Что делать? Пошел нырять, чтобы зацепить трос за крюк на бампере. Крюки там железные, две штуки на бампере спереди приварены, толщина с мою руку. Ох и наныряться я тогда. Ох и наныряться. А кругом лед с говном плавают. А я нырь в дерьмо, нырь еще раз. Вода мутная, и темно, пока зацепил, пока то да се. Вылез: зуб на зуб не попадает, кизяки на голове, на плечах. Ну и подработка! Бог миловал тогда, без воспаления легких обошелся, даже насморка не было. Видно, на стрессе, как говорят, все прошло. Неделю, правда, от меня потом дерьмом несло, как из полевого сортира, но ничего. Вот такая подработка. С тех пор я навоз больше не возил.

Иван Иванович подмигивает, встает, переминается с ноги на ногу, весело смотрит на сложившихся от смеха пацанов.

– Артурчик, давай-ка выпишем, отец родной, никак мне без документов-то бензовозы не загрузить, – протягивает он засаленные желтые бумаги и добавляет: – Дорога у них дальняя.

– Давай, Вань, – один из сотрудников отдела продаж берет

документы и принимается заполнять, вытирая в уголках глаз остатки слез, спина его временами вздрагивает, он сдерживает смех.

– Вот дело, это по совести, это не навоз возить, – немного нараспев говорит Иван Иванович, его маленькие глаза улыбаются, он опять садится в кресло у входной двери, большие красные руки ложатся на колени.

1—2 ноября 2011 г.

Буксиры

– Иван Иванович! За тобой должок числится. Взял ты продукта на сто миллионов, а заплачено у тебя... Вот, смотрю по компьютеру... Компьютер не обмануть, между прочим. Всего пятьдесят восемь лямов. Нехорошо. Шеф сказал, что, пока предоплата не поступит, ничего не давать. Ни бензина, ни солярки. А то получается так, что он обвиняет нас в пристрастном отношении к тебе. Солодовников говорит, что поборами занимаемся. Обидно. Даже баночки черной икры от тебя не дождешься. Дружишь с бракушами, знаем. А нам тут такое. Одним словом, заворачиваем тебя, – с легкой картавостью в голосе сказал долговязый кудрявый блондин, менеджер по отгрузкам нефтепродуктов. Его фамилия была Исакович, и предполагалось, что она (фамилия) имеет белорусское происхождение. Исакович старался держать на дистанции клиентов. Его голубые глаза обычно холодны, и он почти всегда бесстрастно разглядывает вошедшего просителя.

Иван Иванович, предприниматель с пунцовым лицом и огромным животом, переваливающимся через брючный ремень, в рыжей кожаной куртке, театрально вытянул руки по швам и ответил хриплым, сдавленным голосом, чеканя каждое слово, немного с издевательской иронией:

– Ваше «блаородие», отец родной! Арту-у-урчик! Стало

быть, отказать? Почему отказать? Э! Нет. Нет. Нет. Я платежки привез, и в машине у меня полный багажник денег, сейчас в кассу внесу. Еще тут в папочке векселя Сбербанка. Еще платежки. Никак отказать нельзя. Никак. Выписывай, родимый.

– Давай посмотрю, что там у тебя за платежки. Иди пока в бухгалтерию. Только про багажник не верится. Свистишь, да?

– Не веришь? Ну-ка пойдем. Пойдем! Пойдем, говорю! Что покажу. Я худею, пацаны. Я худею! Пойдем, пойдем, – Иван Иванович подхватил высокого худощавого менеджера под руку и поволок за собой на парковку перед офисным зданием.

Иван Иванович подвел Артура к грязной «семерке» «Лада», демонстративно позвенел перед его носом ключами с мохнатым брелоком и открыл багажник. Внутри были беспорядочно разбросаны гаечные ключи, насос, буксировочные тросы, пластиковая канистра с мутной жидкостью голубого цвета, сушеная вобла, и поверх всего этого разнообразия лежала дюжина небольших челночных сумок, доверху набитых разноцветными пачками денежных купюр. Артур присвистнул:

– Ну ты крутой парень, Ваня.

Иван Иванович гоготнул и засунул кулаки в карманы куртки:

– Я ж тебе говорил. Артурчик! Не веришь честному чело-

веку! На вот тебе! Гостинец!

Иван Иванович выхватил из багажника несколько штук засушенной до состояния мумии мелкой воблы и протянул Артуру, который брезгливо поморщился, но взял:

– Хорошо. Принесешь из бухгалтерии квитанцию на капусту. Оформлю.

– Вот выручил. Выручил так выручил! У меня как раз похожий случай был, – Иван Иванович раскланялся, шаркая шлепками по асфальту и собираясь рассказать очередную байку.

– Ты иди. Иди пока деньги сдай, а потом расскажешь свой случай, – сказал Артур и отправил разговорчивого покупателя нефтепродуктов в кассу. Вскоре из противоположного конца коридора донесся характерный шелест машинки, перелопачивающей килограммы инфляционных тысяч. Артур услышал, как громким басом Иван Иванович выдал пошлый анекдот, и в бухгалтерии неуверенно, из вежливости и какой-то пролетарской солидарности, сдержанно засмеялись дамы.

Иван Иванович вернулся в отдел сбыта широко улыбаясь, польщенный женскими оценками:

– Выручил, Иосифович. Вот тебе квиточек на капустку. Вот платежки. Занеси в свою табличку.

Артур принял пачку смятых квитанций, внимательно просмотрел каждую и начал что-то набирать на клавиатуре.

– Вот выручил. У меня как раз такой случай был. Я тоже

выручил одного братка как-то, – Иван Иванович преобразился, вживаясь в роль. – Это было лет десять назад. Еще при советской власти. Работал я водилой в автоколонне, на КраЗе то есть. Ну, я уже говорил как-то. Так вот, однажды еду по Второй Продольной магистрали. В районе Вторчермета, смотрю, трактор стоит «Беларусь». Ну, такой, знаешь, недоделок: задние колеса выше человеческого роста, а передние маленькие. Смотрю впереди и сбоку, где у него движок, подняты борта. Водила – руки по локоть черные, морда в сажу – копается там. Услыхал, что я еду, и машет – мол, стой. Я вылез из кабины и спрашиваю, че случилось. Он: помоги, говорит, не могу завести. Кручу ручку, верчу – ничего не получается. Крутанул и я пару раз заводную ручку. Без толку. До мозолей вертеть ее не стал. Справился про свечи – проверил, протер. Масло в норме. Соляра есть. Ничего вроде. Он мне: «Давай с толкача дернем. Есть трос?» Я ему: «А то! Танковый трос-то! Вон, полезай в кузов КраЗа, я один достать не смогу, давай вдвоем». Вытянули мы трос, к трактору цеплять, а не за что. Эти «инженерята» трактор сделали, а спереди даже петлю нормальную не догадались приварить, чтобы на буксир можно было брать. Есть там крючок ерундовый, и все. Че делать, говорю ему. И так подлезли, и этак. Ну не за что взяться. Тракторист мне и говорит: «А давай за переднюю ось завяжем?» Мое дело телячье, сказано – сделано: зацепили за передний мост трактора. Садись, говорю, дядя, сейчас тебя дернем. Сел я в свой КраЗ, завел, а сцепление

у него не то что у легковушки, чуть отпустишь – тряхнет будь здоров. Я первую выжал – только дерг чуток, и потом давлю на газ. Еду себе спокойненько. В зеркало не смотрю. Прислушиваюсь. Когда же трактор затарахтит, заведется? Слышу – кричит кто-то. В окошко выглядываю – бежит за мной тракторист и кричит что есть мочи: «Стой, стой, твою мать!» Что за ерунда, думаю, случилась? По тормозам, конечно. Вылез. Батюшки! Тить твою мать! На тресе за мной на оси два передних колеса трактора едут, а сам трактор задрал задницу и раком стоит посреди дороги. Вырвал я, значит, передний мост ему. Вот так дернул! Тракторист бьется в крике, за голову схватился, говорит: «Черт меня позвал с тобой связаться. Вот это выручил! Выручил! Буксир, блин. Отбуксировал! Лучше бы как-нибудь сам разобрался». А я ему: «А что, сам просил. Я не навязывался».

Иван Иванович сделал паузу, в немой пантомиме развел в стороны руки и вытаращил глаза.

Артур фыркнул, хлопнул треугольником штампа по распечатанному документу, расписался маршалским росчерком и протянул три листа.

– Накладная, паспорт качества и пропуск на завод.

В комнате шумно зарокотал азербайджанский кондиционер, встроенный в окно, Иван Иванович церемонно встал и низко поклонился.

– Вот и ты меня, Иосифович, выручил. Дай бог тебе здоровья, жениха богатого, – Иван Иванович хитро улыбнулся,

подмигнул и панибратски толкнул Артура плечом.

– Ты это, аккуратнее с шутками, Иваныч, – Артур пытался изобразить на лице оскорбленные чувства, но у него не получилось.

– Выручил. Выручил. С меня причитается, – Иван Иванович легко шлепнул себя исподом ладони по шее и на цыпочках похохатывая вышел.

– Да. Выручил. От тебя дождешься, – сказал Артур уже своему монитору, разложил на мерцающем экране отложенный пасьянс и вздохнул: – Бизнес. Бабки. Вот и прет его. Везет же людям.

8 ноября 2011 – 2 марта 2020 гг.

Из жизни НЛО

Владимир Павлович сложил мобильный телефон-раскладушку, поджал губы и продолжил вести импровизированную планерку:

– Давай, Леха, рассказывай, как дела продвигаются? Что у нас там с нефтепродуктами? Есть клиенты, покупатели?

Молодой человек в черном свитере, черных джинсах и с перстнем на безымянном пальце, сидя напротив, пессимистично махнул рукой в воздухе:

– Палыч! Я ж говорил. Клиенты есть. Дай продукта дешевого. И без предоплаты. На чужих деньгах обернемся.

Два компаньона Владимира Павловича по бизнесу: высокий щеголеватый брюнет Дима Снегирев, любитель рыбалки, и Василий Ильич Чибисов, чудаковатый, стриженный ежиком, седой, плотного телосложения мужичок в очках, – закивали.

– Не, Палыч. Ты брось. Мы тебе говорили. Подключай свои связи. Ты же как-никак генерал. Начальник УВД, – сказал Ильич заискивающе.

– Ты добавлять не забывай, что в отставке, – быстро ответил Палыч, стрельнув глазами по собеседникам.

– Ладно-ладно. Не прибедняйся. Генерал. Только в кадровом резерве пока. Подключай прокуратуру. Позвони в ОБЭП Михалычу. Ресурс дешевый нужен. Пусть надавят на завод,

чтобы нам по льготным ценам давали. У тебя же связи есть. Пусти гонцов своих неопознанных летучих, – невозмутимо продолжил Ильич, и было непонятно, где кончается шутка, а где начинаются серьезные заявления.

– Палыч. Звони. У тебя и фамилия соответствующая – Троянов, – попытался шутить Снегирев.

– Позубоскальте у меня, – резко и беззлобно оборвал его генерал.

– Народ работает, кто нам мешает? Все мы по земле ходим. Не инопланетяне же, – сказал Чибисов.

– Позвоним. Проработаем, – ответил Владимир Павлович, что-то записывая в потертом ежедневнике и размышляя. Затем вдруг вышел из задумчивости, оживился: – А что? Кстати, про инопланетян! Ежели ты думаешь, что их нет, так ты сильно, Ильич, ошибаешься. Я их лично видел. Вот как тебя.

Все в комнате переглянулись и заулыбались. Молодой менеджер нервно и неестественно засмеялся, приняв это за начало удачного анекдота.

– Не. Я серьезно. Не шучу. Думаете, кукушка съехала? Или Палыч того совсем, хлопнулся? Если бы я один это видел!

– Палыч? Хорош, – Чибисов тоже расхохотался.

– Не эпи мозг. Лучше слушай. Дело было в начале девяностых. Я тогда майором служил в волгоградской милиции. Летом как-то заступил в наряд. Со мной взвод молодых ре-

бят. Не срочники, конечно. Сержанты, прапоры. По трассе в области нас бросили патрулировать. Ловили кого-то, уж это не помню. То ли зэк бежал, то ли задержанный из СИЗО. Утром развезли, разбросали ребят по точкам. Вечером на ГАЗ-66 поехали собирать личный состав. Стемнело. Кругом степь, ни огонька. Редкая встречная или попутка промчит. Тогда машин намного меньше было. Не то что сейчас. Я в кабине еду. В кузове десять или пятнадцать бойцов с калашами. С водилой-прапором о том о сем трындим. Вдруг он мне говорит: «Товарищ майор, смотрите. Гляньте! Что это с вашей стороны? Самолет летит, что ли, над посадкой? Странно, только звука не слышно. И аэродромов тут отродясь не было».

Я оборачиваюсь, смотрю: прямо над лесопосадкой, далеко, правда, что-то такое длинное, как сигара, летит. Значения не придал. Ну, летит и летит себе. Может, вертолет, может, самолет. Только вот странно – действительно звука нет.

«А хер его знает», – отвечаю. Едем дальше. А сам посматриваю на штуку эту. А что еще делать? Ночь почти. Вдруг смотрю – эта хрень начала приближаться. Ближе и ближе. Зависла прямо над лесопосадкой, летит уже как бы рядом с нами. Ребята в кузове замолотили по кабине. Я дал водиле команду остановиться на обочине. Остановились. Штука эта тоже остановилась.

«Всем оставаться на местах», – на всякий случай я ско-

мандовал. Вышел. Висит эта хреновина, потом из нее белый луч ударил – пошарился по земле, осветил на нас. А свет белый-белый. Посветил и ушел дальше.

Тут один сержант в кузове говорит: «Товарищ майор, разрешите я сейчас шмальну с автомата». И скидывает уже с плеча автомат Калашникова.

Я на него тогда как заорал: «Ты что, дурак?! Петров, мать твою! С глузду двинулся?! А если эта сигара потом по нам шарахнет? Мокрого места не останется! Сто процентов не останется. И пуговицы от тебя не найдем».

Палыч сделал многозначительную паузу и обвел всех сидящих за столом серьезным взглядом.

– Вот как! НЛЮ. А ты говоришь, что не бывает. Не вру. Между нами как оно и было. Десять бойцов, я и водитель. Разом все с ума не сходят. Трезвые как стекло, на дежурстве. За что купил – за то продаю!

– И все? На что она похожа-то была? – спросил Чибисов.

– Не перебивай! Светящийся длинный огурец размером с дирижабль. Снизу прожектор. Потом эта штука поднялась повыше, и только фьють! Вдоль дороги над посадкой улете-ла вперед. Бойцам команду. Поехали вперед. Может, кило-метров через пять встречаем наших на узике. Никого, спра-шиваю, не видели тут? Да, говорят, была тут странная лабу-день, не знаем, как назвать даже. И рассказывают. Мол, едем, а нам «встречка» мчит, лоб в лоб навстречу тачка несется по встречной полосе как бы! Какая тачка, не знаем, потому

как слепит светом. Глядим, а впереди-то дорога на самом деле ведь через сто метров поворачивает на девяносто градусов. Получается, не по дороге на нас что-то херачит, а над землей летит. Встали мы столбами, не знаем, что и думать, да просто не успели. Оно нас ослепило, над нами промахнуло и в поле улетело. И все без звука! Ни единого звука. Если бы самолет или дирижабль. Гудело бы и ревело, волна ветром.

«Так, бойцы, – говорю я, – все ко мне. Значит, так. Внимание! Договариваемся – никто ничего не видел. Если не хотите, чтобы нас всех комиссовали и отправили в дурку. В психушку никто не хочет?»

Ясен пень, идиотов нет.

Палыч обвел всех серьезным взглядом:

– Само собой, понятно. Такими вещами не шутят. Я, короче, всем популярно объяснил, чем эта хрень чревата.

– Палыч, слушай, неужели так никто начальству не доложил? – немного ошарашенный историей генерала менеджер встал из-за стола, загремела упавшая табуретка.

– Ага. Доложи. Тогда было так. В момент комиссуют на хер. Официально не бывает их. Тарелочек этих. На хер мне надо карьерой рисковать. Тогда быстро в дурдом закрывали. Нет. Ну, власти знали, конечно. На самом деле. Тогда много случаев было.

– Какой год-то? – спросил Снегирев.

– Не помню. Девяносто второй или девяносто третий, кажется. Где-то так. Органы знали тоже про это. У меня това-

рищ там служил тогда в чине полковника. Так они тоже эту фигну видели. Она их на рыбалке, на реке Медведице, накрыла. Их там тогда человек пять или семь было. Вот как он мне про это рассказал.

Генерал Троянов вытряхнул из початой пачки «Мальборо» сигарету, нашарил на столе зажигалку, прикурил и, шумно выпустив перед собой струю дыма, продолжил свой рассказ:

– Полковник КГБ, мой дружок, с товарищами поехал летом того года на Медведицу порыбачить. Взяли служебную машину уазик, спиннинги, удочки, сетки, раколовки. Ну и, как полагается, водки. Местные их встретили хорошо. На берегу белый песочек. Разложились. Вечером шашлык, бухнули, как положено. Хер ли там! Отдыхать так отдыхать. Но! Но не нажрались. Не пьянствовать же приехали? Утром на рыбалку рано вставать. Утречком засветло их егерь поднял, и на лодочке пошли на утренний клев. Темно было еще. Так вот. Полковник и рассказывает. Только, мол, встали, сети бросили, удочки закинули, глядят – вроде как свет в одной стороне над лесом. И тишина. На машину или самолет не похоже. Рассвет только-только намечается. Сначала внимания особо никто не обращал. А оно, значит, как белое зарево поднимается, ближе и ближе. И вот сидим мы в лодке – человек пять, говорит, было, – смотрим: вылетает такая дура здоровая, как сигара, светится вся, а снизу из нее луч бьет. Блин, говорит, струхнули мы тогда. Встала над нами и лучом

в нас уперлась. Белый свет. Ярче солнца. Светло как днем. Мы пересрали, не помню, говорит, кто там первый вскочил и заорал, но за ним в лодке все повыскакивали – машем руками и орем: «У нас рыбы нет, сетей нет. Туристы! Тут рыбы нет». А хер его знает, кто это прилетел? Может, из Москвы по приказу сверху какая-нибудь военная контрразведка прилетела и браконьеров ловит – первое, что пришло тогда в голову. Хреновина эта постояла-постояла, лучом посветила. Потом чик – луч пропал, и она вмиг улетела. Мы, кто в чем был, все оставили в речке: сети, удочки. Бегом в уазик. Палатки, одежду, все манатки закидали и ноги в руки – валить оттуда.

Когда он рассказывал, я ему около виска пальцем крутил: «Ты че, сбрендил?» А он: «Это ты сбрендил. Может, если бы белочка с бодуна была или я один там был. Нас там пятеро было тогда. Докладывать начальству – доложил. Записку написал служебную в Москву. Но ни ответа, ни привета на то не пришло».

Генерал Троянов затушил бычок в стеклянной пепельнице, почесал бритый затылок и наставительно добавил:

– Так-то! Сам тогда смеялся, а потом в оцеплении чуть уху не съел. А ты говоришь! Не бывает! Бывает! У нас в России, мать ее, все бывает. Ладно. Давай к нашим делам. Че мне у прокуратуры просить-то?

20—23 января 2012 г.

Сила слова

Однажды ноябрьским вечером я шел по одной из оживленных улиц Волгограда. Поздняя осень, темнеет рано. Автомобили включили ближний свет, уличные фонари слабой охрой раскрасили асфальт дороги, уже почти прозрачные тополя и нижние этажи домов, уходящих в запыленное пергаментное небо. У меня запланирована встреча с друзьями в местном бюджетном ресторане с зоологическим названием «Крокодил». Над карнизом заведения, естественно, висит барельеф огромной оскалившейся зеленой пластмассовой рептилии на фоне таких же зеленых агрессивных пальм. Неподалеку, почти напротив перекрестка, замечаю молодого лейтенанта ДПС с полосатым жезлом в одной руке и радаром для измерения скорости в другой. Иногда он прицеливается им, словно пистолетом, в поток машин, замирает для невидимого выстрела, выбирая жертву, потом рассматривает показания и снова поднимает радар. Ничего необычного. Выполняет свою работу, может быть, также и себе на жизнь зарабатывает – будничное дело.

Когда до входа в ресторан мне остается с десятков шагов, вижу, как по дороге, с грохотом обгоняя поток машин, проносится «копейка» (автомобиль «Жигули» первой модели) белого цвета. Точнее сказать, что цвет определить сложно, автомобиль кое-где покрашен белым, но местами видно ро-

зовую грунтовку или зеленые пятна непонятного происхождения, все стекла тонированы черной пленкой. Слышу пронзительно дребезжащий классический милицейский свисток и останавливаюсь, чтобы посмотреть, как пойдет расправа с нарушителем. Вместе с тем меня разбирает любопытство – кто же передвигается на подобных гробах. «Копейка» изо всех сил скрипит и дребезжит тормозами, но не может остановиться, прокатываясь еще метров сто. Затем, словно по команде, четыре двери убитой машины моментально распахиваются, и оттуда бодрым попкорном выпрыгивают три высоких молодых паренька. Ни секунды не раздумывая, они продолжают идти пешком в том же направлении, куда до этого ехали.

– Предъявите ваши документы на транспортное средство и права, – кричит им в затылки дэпээсник.

Никто из них не оборачивается, не останавливается, но и не переходит на бег. Они просто идут размеренным шагом.

– Эй, ваши документы! – почти растерянно с просьбой надрывается криком лейтенант, и один из беглецов все-таки оглядывается:

– Да ты че! В натуре! Я ваще ездить-то не умею.

Раздается дружный хохот.

– Чья машина? Кто водитель? Документы? – уже как-то смущенно, переходя с шага на трусцу, кричит лейтенант. Пацаны даже не думают остановиться, слышно, как кто-то

из них доброжелательно бросает через плечо:

– А мы почему знаем чья? Ты в ГАИ работаешь. Тебе виднее.

Затем слышно фырканье, и опять дикий хохот.

– Эй! Предъявите что-нибудь. Кто хозяин? – просит милиционер, замедляя шаг, его рука с жезлом опускается.

– Мужик, ты чиво? Я ваще за баранкой никогда не сидел, – говорит парень в красной бейсболке. Группа не спеша скрывается в темноте арки между магазином и жилыми домами. Лейтенант с минуту задумчиво стоит, смотрит по сторонам, как бы пытаясь определить, кто видел этот позор, потом идет к служебной «шестерке», сильно хлопает дверкой и уезжает. Через полчаса за столиком в ресторане после рукопожатий, обсуждения обычных мужских тем, опрокинув рюмку водки, я рассказываю этот случай моим друзьям. Паша Бочкарев, жилистый, бритый наголо, в яркой цветастой рубашке и голубых джинсах торговец всем, что можно купить или продать, сидит напротив меня. Его губы сложены в тонкую полуулыбку, глаза немного прищурены. На правой руке сверкает горошиной бриллианта перстень. Паша усмехается и начинает рассказывать свою историю. Через слово непринужденным артиклем у него проскакивает нецензурное.

– Это ладно. Вот у меня был случай. Еду я в город на своей тридцать первой «Волге». Около сельхозинститута на пригорке, на той стороне, стоит мент, скорость мерит. Я опаздываю. Стрелка у меня в центре забита. Встречаюсь с конкрет-

ными пацанами. А тут недавно перед сельхозом знак новый повесили – сорок. А еду, может, под восемьдесят. Не наглею сильно. Смотрю – стоит, руку поднял. У меня антирадар запищал. Я притормозил, но уже поздно. Бежит с той стороны дороги ко мне бегом и машет палкой. Стоять! Я как ехал ни вправо, ни влево, так и остановился, опустил стекло и кричу ему (Паша выбрасывает вперед руку, грозит указательным пальцем, показывая, как это было): «Слышь, вот если ты не дурак, сейчас развернешься и пойдешь назад». Он как шел, так со следующим шагом только раз – как по команде, разворачивается и идет так же обратно.

Паша продолжает:

– А хер ли. Правильно. Кто его знает, кто едет. Кто? Все-таки черная «Волга» тридцать первой модели. От греха подальше лучше.

Его друг, толстый брюнет с золотым браслетом часов, владелец нескольких автозаправок в городе, Соболев, расположившийся рядом со мной на диванчике, кивает, разливает водку по рюмкам:

– Ну, за то, чтоб все у нас было и ничего нам за это не было.

Он шумно выпивает, крикает и отправляет в рот чайную ложку красной икры.

– У меня по другому случаю дело было. Короче. Отмечали в офисе день рождения главбуха. Где-то часов в двенадцать уже собрался ехать домой. Дорога пустая. Да и я

не сильно бухой. Сел в свой бумер. Все светофоры проехал, как образцовый водила, на зеленый. Выехал к самарскому разъезду, поворотник включил и по стрелке повернул. Стоят двое: на шахе дэпээсники. Уже тормознули какого-то лоха на «Москвиче». Бумаги пишет один. Другой мне махнул палкой. По погонам вижу – капитан.

Соболев делает короткую паузу. Зачерпывает ложечкой из плошки дымящийся грибной жюльен и продолжает:

– Такой-то сякой-то! Ваши документы. И видит, что я да-тый. Выходите, говорит, будем составлять протокол. Блин, ну что! Вариантов нет. Надо что-то придумать. Я ему, мол, миленький, а хочешь, я тебе минет сделаю? И так языком по кругу медленно облизываю свои губы. Он реально был в шоке. Весь стал красный. Плюнул на землю. Говорит: «Тьфу, блин, развелось этих гомиков». И ушел.

Бочкарев смеется:

– Не знал твою ориентацию.

– Паш, в натуре, ты знаешь меня, я терпеть не могу всю эту голубятину, но надо же как-то домой доехать. Во как бывает. – Соболев опять наливает водку.

На следующий день по пути на нефтебазу я вспомнил рассказы приятелей, когда мой водитель, оптимист и любитель розыгрышей, случайно сам вошел в роль. Выехали мы из-под железнодорожного моста и неожиданно на круговом кольце дорожной развязки уперлись в капитана милиции, который, остановив уже дюжину разнокалиберных машин, ткнул в нас

полосатой палкой. Коробкин резко затормозил, утопив педаль в пол, и перекрыл служебной «Ауди» половину проезжей части. Затем распахнул резко дверь. Тем временем капитан, полагая, что жертва поймана, отмахнулся жезлом – к обочине – и пошел к тем, кого задержал ранее. Андрей остался на месте и громко грубовато сказал в спину капитану:

– Ты кого остановил? Ты что, не видишь?

– Вы почему так со мной разговариваете?

– Иди сюда, говорю. Сюда иди! Я тебя кормлю, я тебя одеваю, я тебя обуваю. А ты меня останавливать вздумал? – слова звучат уверенно и отрывисто. Не знаю, какие были намерения у моего водителя в этот момент, но я молчал. Хотя в принципе мне почему-то тогда придавала уверенности неожиданная мысль, что все абсолютно верно, поскольку я законопослушный налогоплательщик. – Сюда иди, – еще раз повторил Коробкин повелительным тоном.

После секундного замешательства милиционер вернулся, на лице его уже пробежало не одно сомнение. Народ, который был им остановлен, наблюдал сцену с нескрываемым любопытством. Капитан открыл документы Коробкина, бросил взгляд и, даже не пытаясь дальше просмотреть бумаги, быстро закрыл. Постоял и вернул резким движением.

– Извините. Не узнал. Счастливого пути, – он вытянулся по стойке смирно, отдал нам щеголеватой отмашкой честь.

– То-то! Номера нужно, как говорится, знать в лицо, –

кивнул Коробкин, и мы уехали. Обычные водительские права и самое обычное свидетельство на транспортное средство, но там оказалась вложена визитка полковника. Визитная карточка полковника, начальника по работе с личным составом ГАИ, которую вложил наш заместитель генерального директора по хозяйственной части, большой шутник, бабник и матерщинник Петр Васильевич Харитонов.

Жизнь устроена системно, нам только неизвестен замысел великого ткача, который пускает наши судьбы невидимыми нитями вперехлест, наши тропы сходятся в непонятные узлы и разлетаются вновь. Одним словом, каким-то невероятным образом через месяц или два мы встретились с капитаном еще раз. Летом я с помощью моей бывшей супруги устроил сына в пионерский лагерь «Босоногий гарнизон» (название, оставшееся от времен СССР), и мои родители попросили, чтобы я взял их с собой навестить внука. Дорога в тот день показалась бесконечно долгой, мы летели целую вечность по выщербленному ветром и дождями асфальту через заброшенные совхозы и деревни. Мелькали ржавые синие транспаранты с названиями полумертвых селений: Нариман, Пархоменко, Береславка, Приканальный. Пустота всегда расслабляет. Ни встречных или попутных машин, ни людей, и вот мое внимание стало ослабевать. Между тем при выезде на трассу Волгоград – Ростов какие-то специалисты по стрелкам и полоскам из автоинспекции неожиданно решили изменить схему развязки. Следуя привычным

маршрутом, на автоматическом, отработанным годами рефлексе я, пропустив знак, который спрятали под кустами, выехал со второстепенной дороги на знакомую трассу, но теперь уже по встречному направлению. Когда «Ауди» попала на гладкое полотно свежего асфальта, я еще сильнее утопил в пол педаль. На спидометре сто тридцать, и я замечаю прямо по курсу машину ДПС, но вот беда – авто нагружено до предела (гостинцы пионерам), точка невозврата уже осталась позади. Разумеется, проношусь мимо хранителя закона с такой скоростью, что успеваю заметить только в зеркале заднего вида, как он поднимает жезл уже в далекой перспективе. Попытка затормозить не очень успешна – скорость и вес делают свое дело. Прокатившись десятки метров, сижу в напряжении, посматриваю временами в заднее стекло. Родители и бывшая жена с сарказмом обсуждают ситуацию, дают советы на тему, сколько мне придется заплатить за превышение скорости, а также езду по встречной полосе. Молчу, терпеливо жду, мое внимание сосредоточено на зеркале. И тут вдруг замечаю нечто необычное. Пройдя с десятков шагов и присмотревшись к моей машине, капитан останавливается, берет под козырек и машет мне регулировочной палочкой – ежайте. Никто ничего не понимает, а я, трогаясь с места, рассказываю случай месячной давности про кормильца и инспектора, который все-таки запомнил мои номера.

25—26 ноября 2011 г.

Ошибка

Жизнь в наше смутное время битком набита коммуникационными ошибками. И непонятно, почему они становятся все чаще. То ли ЕГЭ ввели, то ли народ озлобился на нелегкую и непредсказуемую жизнь в условиях рыночной экономики, то ли общая физическая и культурная деградация через пьянство, мздоимство и наш славный «теледуроскоп» к тому привели. Но факт остается фактом – все большее непонимание окружает нас. Непонимание, приводящее когда к комедии, а когда и к драме.

Вот какой случай рассказал мне мой знакомый, ведущий колонку спортивных новостей в известном информационном агентстве, с которым меня свела судьба и посчастливилось работать за соседним столом много лет назад.

Встретил он как-то вечером после работы в продовольственном магазине своего старого друга. Тот стоял около прилавка, усыпанного кошачьими консервами разных калибров, и перебирал яркие хрустящие упаковки.

– Привет, Петрович!

– Привет, – отвечает Петрович.

– Ты, никак, котика завел? – спрашивает мой сослуживец.

– Точно так, Гена. Кота купил. И уже приключений он на мою задницу принес, – говорит Петрович. – Правда, пока все обошлось.

– И что случилось? – спрашивает Гена.

Петрович усмехнулся, махнул рукой:

– Потом.

Отстояли они вместе очередь. Идут с пакетами по домам. Темнеет. Гена не унимается:

– Ладно. Рассказывай, что там за тайна!

– Никакая не тайна. Прикол просто получился, – улыбается Петрович. – Купил я недавно кота. Кот не простой, а породистый. Ты у меня давно в гостях не был. Как-нибудь заходи. Увидишь! Гулять я его не пускаю. Дома сидит. Так, думаю, может, вот на выставку свожу. Короче, выходим из дому с ним разве что в ветеринарскую – прививку сделать. Кот просто огромный, с собаку среднюю. Характер покладистый, добрый, но если его разозлить хорошенько, то может и кинуться.

Дело было как бы так. Вечером звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит пенсионерка, наша старшая по подъезду. Старшая в том смысле, что перед ЖЭУ она старшая, как представитель жильцов. Подписи собирает, на субботник иногда народ вытаскивает, какие-то мутные с участковым дела обмусоливает. В общем, активистка, комсомолка, замечательная старушка. И все бы ничего, но есть у нее собачка. Маленькая такая черная собачонка без шерсти, голая. Я таких собак терпеть не могу. И на собаку не похожа она совсем. Ну, знаешь, такая порода... Уши торчат, больше головы уши, вечно вся трясется и злющая-презлющая. Рань-

ше бабка ее выгуливала без поводка во дворе, пока собака не покусала несколько прохожих. После несчастных случаев старушка стала выводить на поводке. Но что думаешь? Так эта мерзость умудрилась и с поводком кого-то укусить. Пришлось бабке покупать для собачонки намордник даже. Я это рассказываю к тому, чтобы тебе лучше въехать в тему и прочувствовать момент. Звонит она. Открываю дверь. Здоровается. В правой руке у нее пачка листов зажата, левой собачку прижимает к груди. Говорит, подписать надо обходной лист, что вы не против домофона в подъездной двери. Я ей говорю, да, святые угодники, я только за. И протягиваю руку за документом. Собачка начинает тихо рычать, скалит зубы, глаза ее навывкате бегают в разные стороны. Бабка, видимо, не собиралась ее выгуливать, поэтому и животинка без средств защиты. Рычит, пытается меня тяпнуть за пальцы. Дальше все происходит в доли секунды. Я и сообразить не успел! При очередной попытке куснуть собачонка выскальзывает из рук старушки на пол, бьется головой о порог, взвизгивает и кидается ко мне в квартиру. Ну, убежала и убежала. Говорю старушке, чтобы она не переживала, что сейчас дела закончит и может пройти, забрать собачку. Однако искать собаку нам не пришлось. Короче, подписываю и перекидываюсь парой фраз. А про кота-то я забыл! Тем временем собачонка шарится у меня на кухне как у себя дома и напарывается на кота, который, естественно, считает всю квартиру своей территорией. Не знаю, кто там

первый начал, но, думаю, этого можно было ожидать, зная агрессивный характер собачки, перекусавшей полдвора. Короче, агрессор получает от кота Степана по полной программе и с писком вылетает на лестничную площадку к хозяйке. Морда шавки расцарапана в кровь. Бабка орет на меня матом, собака трясется и скулит. Я тоже немного стушевался от неожиданности. Начал извиняться, объяснять как бы, Степан это, кот. Он виноват, а сам я тут ни при чем, и вообще, держать нужно животное свое. Понятно, что говорить уже бесполезно. Абсолютно бесполезно. Логика не поможет. Старуха любит собачку больше, чем родную единственную дочь, спит с собакой, целуется в десны. О чем говорить? Короче, мат-перемат, слово за слово колбасой по столу. Бабка обещает нам навести порядок в этом вертепе и взыскать за ущерб моральный и физический. Тем день и кончился. Прошла неделя. Я уж и забыл этот случай. Думал, ну, покричали, погорячились и тем кончилось. А вот ни фига подобного. Старушка пишет заявление участковому с требованием привлечь меня к ответственности за аморальный образ жизни и нарушение общественного порядка, насилие над собакой и драку, а также с требованием выселить всех незаконно проживающих на моей жилплощади. Самое интересное заключается в том, что в заявлении кот фигурирует без указания, что он животное, а просто как некий Степан, проживающий у гражданина Петрова. Через неделю заходит ко мне участковый. Вежливо здоровается, но, смотрю, как-то сухо,

строго, брови нахмурены.

– Разрешите пройти, – говорит, – на вас поступило заявление от гражданки Пестрой. Жалоба. На вас.

Я сначала находился в недоумении, а потом вспомнил недельной давности случай.

– А! Было дело. Проходите на кухню. Чайку вскипятим. Расскажу суть.

Участковый, сначала настроенный на резкий разговор, смягчается, добреет. Мы располагаемся на кухне, и я веду свое повествование в деталях.

– Нет. Ну все понятно, – по ходу перебивает меня милиционер, – кто проживает на вашей жилплощади еще, кроме вас? Кто прописан или непрописанные имеются? Таджиким не сдаете комнаты? Цыганам?

– Да я как бы один живу. Давно один. Много лет.

– Нет. Подождите! Вот тут. Смотрите. У гражданки Пестрой в заявлении написано, что еще есть Степан. Тот самый Степан, который издевался над собакой гражданки Пестрой. Как он давно проживает, на каких правах, какого года рождения и кем вам доводится?

Я улыбнулся:

– Степан – это и есть кот. Тот самый кот, который поцарапал собачку старушки.

В этот момент я краем глаза замечаю какое-то шевеление у входной двери на кухню. Осторожно скашиваю глаза и вижу, как из-за дверного косяка выглядывает огромная рыжая

морда. Зеленые глаза кота настороженно округляются, завидев незнакомца. Участковый оборачивается в направлении моего взгляда.

– Кстати, знакомьтесь. Вот и он, Степан, – сказал я.

Участковый присвистывает:

– Вот это тигр. Тигр прям.

– А я что говорю. Да вы не беспокойтесь, характер у него покладистый, мягкий. Милый кот, если его не обижать, – говорю я.

Тем временем кот нюхает розовым носом воздух и уходит.

– Ничего больше не хотите по существу дела сказать? – милиционер опять становится серьезным.

– А что еще сказать? Выдумала бабушка почти все, кроме имени кота. Вы спросите у соседей по площадке про меня. Утром на работу, вечером с работы. Кот один дома. Он тут, что ли, дебоши устраивает?

Уже у входной двери участковый, прощаясь, подал мне ладонь для рукопожатия.

– Извините, если что не так. Сами понимаете – поступил сигнал. Обязан проверить. Что касается собачьих разборок, то это не по моей части. – Потом он подумал и добавил: – На всякий случай в паспортном столе все-таки возьму выписку. По закону я должен дело до конца довести. Точно у вас Степана нет?

Я развел руками в стороны.

– Всего доброго, – попрощался участковый.

Бабка с того дня обходила меня стороной, сверкала издали злыми глазами и отворачивалась, когда мы случайно пересекались у входа в подъезд. Еще через месяц в почтовом ящике я обнаружил конверт со штемпельной розовой надписью «повестка в суд». Разорвав конверт, я достал приглашение для явки на судебное заседание и копию искового заявления. Насколько мне позволяет память, оно начиналось так: «Глубокоуважаемый господин судья. Ваша честь. Обращается к Вам жительница дома по улице Пролетарской, дом 15, квартира 16, гражданка Пестрая. Пятнадцатого числа этого года при выполнении должностных обязанностей моя собака была укушена Степаном, незаконно проживающим в квартире гражданина Иванова. Прошу вас...» И тому подобное. Закончилось все, конечно, в мою пользу. Никто не смеялся, протокол не позволял, и вообще – формат. Бабка с того заседания выскочила вся красная как рак.

– Я найду на вас управу. Я буду жаловаться прокурору, президенту. Я до папы римского дойду, – кричала она, спускаясь по лестнице на первый этаж судебного здания.

Вот такая история, Ген. На ровном месте. Так рождаются анекдоты. Пойду я. Степан мой проголодался, наверно. Ты это, заходи при случае. Познакомлю. Кот занятный.

16—17 июля 2012 г.

Поход в баню

Есть такая пословица: по одежке встречают, по уму провожают. Только, как мне кажется, в наше время она уже работает немного иначе. У нас теперь все по-другому: по одежке встречают, по деньгам провожают. Понял я это после одного случая, который со мной произошел в середине девяностых. Работал я тогда в Волгограде в одной фирме среднего калибра с романтическим логотипом «Данко». Никакого отношения к легенде звучное название, конечно, не имело. Все было проще. Творцы-учредители решили взять начальный и конечный слоги фамилии вождя компании. Налоги не платили, зарплата в конвертах вручалась, вместо бензина покупателю растворитель отгружали. Черную получку начальник наш часто задерживал, бывало, что и вообще не давал, если настроения у него не было. Уйдешь в отпуск, выпросишь аванс, а когда спустя неделю из какого-нибудь Геленджика вернешься, задашь вопрос о зарплате, то начальник и говорит, что все тебе как бы уже было выдано и больше не полагается. Но коллектив в целом хороший был. Сплоченный, дружный и наполненный в те мрачные времена каким-то необыкновенным духом оптимизма. По рабочим дням бесплатная столовая с домашней кухней. В день зарплаты могли в местном армянском кафе а-ля Gayane's покутить: хаш, разносолы, шашлыки, коньяк, танцы. Дни рождения свадеб-

ными застольями накрывали в офисной столовой. Новогодние торжества проходили с карнавалами и конкурсами в ресторанах. А восьмого марта все здание «Данко» наполнялось благоуханием букетов цветов.

И вот решил однажды наш руководитель отдела реализации нефтепродуктов поддержать общий корпоративный дух, традицию – организовать мероприятие. С легкой руки тестя начальника, который у нас работал экономистом, почему-то было решено идти в баню. Конечно, баню не простую, где за двадцать рублей работяги моются, а в сауну. И даже не в сауну, а поехать в центр отдыха, где и сауна, и огромный бассейн с голубой водой, и бильярд, и ресторан. Как полагалось тогда, в таких делах нужно было закупить вяленой дорогой рыбки и пива взять «крутого».

В понедельник вызывает меня к себе шеф, дает задание – купить пива и балык. Смотри, пиво, говорит шеф, бери не в магазине, а в пивном баре, и не простое, а самое дорогое нефилтрованное, что продается на розлив. Знаешь, где у нас такой в городе? Я ему, мол, ну конечно! Конечно, Эдуард Владимирович, кто же не знает! Тогда, говорит, поезжай, выбери, потом скажешь, сколько денег надо, я дам. Дело было под новогодние праздники. Заодно, говорит, и нашим отделом, так сказать, Новый год отметим, корпоратив, в общем.

Я обрадовался, думаю, вот на халяву попробую элитного пивка! Когда еще такой случай будет? Зарплата мне моя

не позволяет, а тут вон оно – счастье насекомого. Сел в свою машину и минут через десять уже был около пивного бара.

Заведение это открылось всего полгода назад и по своей популярности било все рекорды в районе. Самые состоятельные люди Красноармейска, как правило, чиновники от нефтянки или откровенные бандиты, отморозки неопределенного рода занятий, были завсегдатаями этого заведения. На желтом фасаде ресторана, который по замыслу архитектора должен был олицетворять своим дизайном достаток и успех, висела огромная золотистая копия посмертной маски фараона Тутанхамона. По синему фронтому заведения размашисто было начертано стилизованными буквами «Мемфис». При входе тебя встречал грибоподобный охранник в дешевом черном костюме, похожий на гориллу.

Оранжевый с синими пятнами мебели интерьер, разного масштаба трафареты пирамид и вариации древнеегипетской темы составляли все внутреннее убранство. На первом этаже располагался основной огромный зал ресторана. Между тем, спустившись в подвал по устланной гляncем черного мрачного гранита лестнице, посетитель попадал в бар с низким потолком. Тут можно было покатать шары в бильярд, а потом около барной стойки на шатком вертящемся стуле за чужое здравие выпить до полусмерти. Днем заведение обычно пустовало. В летний полдень слышалось, как под потолком летают одинокие сонные мухи.

Бурная ночная жизнь начиналась с наступлением темно-

ты. Красновынные бритые молодцы заплетающимися головами заказывали у диджея очередной перл народной попсы про лебедей или централ. Ярко покрашенные проститутки в клетчатых чулках и юбках, похожих на трусы, бесцеремонно визжали и хохотали, белой пеленой стоял густой сигаретный дым, неуверенным шагом нащупывали пространство пьяные дородные бензовозчики в черных рубашках и черных джинсах с золотыми цепями на шее. Иногда апофеозом этого торжества становилась поножовщина или маски-шоу «лицом в пол» с участием районного ОМОНа.

Но до ночи было еще далеко, и сейчас это гнездилище народных страстей пустовало. Сумрачный охранник с плоским затылком и раздавленными ушами борца лег грудью на полку гардероба, о чем-то болтая с миловидной рыжей гардеробщицей, из зала ресторана глухо доносились звуки радио. Я быстро прошел под их неодобрительные взгляды вниз по лестнице. Потом, миновав гардероб, осторожно спустился еще ниже по скользким неверным ступеням блестящего гранита, взял со стойки бара толстую коричневую папку меню и полистал.

Вокруг не было ни души. Одинокий скучающий официант полулежал за барной плитой и с рыбьим бесстрастным выражением смотрел телевизор, который висел почти над ним. Я стал шумно переворачивать вперед-назад замасленные картонные страницы. Бармен, не меняя положения, покосился на меня, облокотился, подпер щеку рукой и опять замер.

– Извините, можно уточнить, – начал я, – что у вас есть из пива?

– Все, – отрезал лениво бармен.

– А вот...

– Я сказал – все.

– «Будвайзер» свежее?

– Да.

– А вот тут написано «Эхмынокуда». Не. Не так. Лады. Не могу правильно прочитать, – я попробовал воспроизвести длинное название какого-то, видимо, редкого сорта по сумасшедшей для рядового обывателя цене.

Бармен наконец впервые за все время нашей немногословной беседы с любопытством посмотрел на меня.

– Ну есть.

– Отлично, – сказал я. – Вы с какого часа работаете? Завтра это не закончится?

– С двенадцати. Можете не переживать. Не закончится, – криво усмехнувшись, ответил он.

С легким сердцем исполненного поручения я вышел на морозный воздух, запахнул дубленку и поехал в офис с докладом.

На следующий день погода выдалась морозной, прогнозы обещали антициклон и минус двадцать пять градусов к вечеру. Я решил одеться попроще и потеплее: ватник, ватные штаны, валенки, овчинная шапка треухом. Посмотрел на себя в зеркало: не хватало только бензопилы на плече – валь-

щик леса из тайги. В руках пакет с полотенцем и две пустые пластиковые пятилитровые канистры из-под питьевой воды. Трехдневная щетина. Такой вот портрет в полный рост.

От офиса выехали всем отделом на вишневой «Шкоде» шефа. Набиваемся в салон под завязку. На переднем пассажирском сиденье долговязый тесть начальника. Сзади мы, менеджеры, вчетвером. Пакеты и сумки в багажнике. Стекла машины сразу покрываются изнутри инеем. Шеф включает печку на всю катушку, но это почти не помогает. По пути заезжаем, как планировали, в памятный бар «Мемфис». Беру я две канистры. Смотрю – охранника нет. Думаю, хорошо, что отлучился, а то если бы он меня увидел в моем «прикиде» – не пустил точно. Бесшумной войлочной поступью спускаюсь по широким ступеням в бар. У входа натываюсь на бармена, который поднимается мне навстречу. Он строго спрашивает:

– Вы куда?

Я простодушно:

– Пиво есть разливное?

Его насмешливый взгляд прошелся по моей вытертой шапке времен Великой Отечественной войны, старой зэковской телогрейке и ватным штанам из того же набора, задержался почему-то на валенках.

– Есть. Оно слишком дорогое для вас. Слишком. Идите, за углом в киоске дешевое, в баклажках.

– Очень хорошо. Значит, качественное, – не унимаюсь я.

– Не-е-ет. Вы не поняли. Это о-очень дорогое, – бросил

он, протяжно пропев уже как-то мимо меня, поверх моей головы, в его голосе явно чувствовался сарказм.

– А можно меню посмотреть хотя бы?

Бармен не смотрит на меня, снисходительно разворачивается с видом человека, делающего одолжение, нет, невероятное снисхождение к бестолковому нищему посетителю, и возвращается к барной стойке. При этом он старательно делает вид, словно что-то там забыл и вернулся только по этой самой причине.

– Смотри, – он звонким шлепком бросает на стойку меню в синем дерматине, на его лице написано раздражение.

Я медленно раскрываю тощий фолиант и, найдя нужную строчку, медленно, почти по слогам читаю сорт пива и цену.

– Девятьсот шестьдесят три рубля? – переспрашиваю я.

– Там все написано. – Бармен делает вид, что наконец нашел искомый документ и ждет, пока настойчивый клиент поймет очевидное – заведение не по карману простому человеку. Я киваю, ищу другое наименование и медленно читаю вслух, заканчивая свою фразу еще одним трехзначным числом.

Бармен в нетерпении встает и собирается уходить. Мне становится интересно. Я ставлю на барную полку с пустым звуком две пятилитровые канистры с синими крышечками из-под бутилированной воды, достаю из кармана пухлую пачку денег, перевязанную резинкой. Мой шеф любил дешевые трюки с наличкой.

– Очень хорошо. Налей мне того и другого по полной, – сказал я с усмешкой.

Сказать, что на лице бармена появилось удивление, было бы неправдой. Пауза. Сомнение. Потом удивление, сменившееся испугом. Он вскочил со стула. Что-то со стуком упало на пол. Не знаю, о чем он подумал в тот момент, но мне показалось, о чем-то плохом. Ситуация не укладывалась в штатные формы.

– Сколько?

– Да вот тут, браток. Две полные канистры набери.

Бармен забегал у стойки бара. Схватился за краны, отпустил, взял одну из канистр, начал извиняться:

– Вы знаете, буду стараться быстро, но уж очень оно пенится.

Он подставил прозрачную емкость под кран, рванул на себя блестящую латунную ручку.

– Блин. Как я и предупреждал...

– Ну ты это, не волнуйся, но времени нет, – хотя попытка поторопить была не нужна.

– Ага. Сейчас. Блин. Сейчас разолью по бокалам, потом пена сойдет, и в канистру.

Неловким движением он сбил вторую канистру с полки бара, начал ловить одной рукой. Короткая схватка в воздухе закончилась победой пластиковой емкости – она звонко приложилась к бритой голове бармена.

– Минут десять? – спросил я и, сбросив телогрейку, сел

на синий кожаный диван.

– Минут десять. Может, быстрее. Попробую быстрее. Пенится. Блин. Как бы быстрее, не знаю, – ответил он, усиленно моргая на бутылку.

Бармен тихо откашливался, вздыхал, наклонял голову, чтобы посмотреть, как пышная пена постепенно укладывается и как плавно растет темный уровень.

В баре появился тесть начальника, проверил ход налива и строго спросил:

– Долго еще? Баня заказана. Время цигель-цигель, ай люлю. Михаил Светлов ту-ту.

Бармен тревожно посмотрел на меня, потом на огромного посетителя в белой овчиной дубленке:

– Секундочку. Еще секундочку, господа.

Он торопливо переливал осевшее пиво из высоких бокалов в узкое горлышко канистры. Его руки слегка дрожали, губы сжимались, выражая крайнюю степень ответственности при подходе к процессу. Через несколько минут пытка была закончена. Бармен заботливыми движениями обтер белым полотенцем обе бутылки и, бережно поддерживая каждую под дно, поставил их на прилавок.

– Пожалуйста, господа. Тут вот, правда, наверху чуток пены. Но сами понимаете, свежее, играет, – он сделал быстрое движение, ногтем мизинца ткнул в горлышко канистры и подобострастно посмотрел мне в глаза.

Я накинул свою фуфайку, щелчком снял резинку, ак-

курратно отсчитал необходимую сумму, не взял сдачу и, небрежно подхватив канистры, пошел на выход.

– Всего хорошего вам, господа. Хорошо отдохнуть. Заходите еще, – бармен улыбался и кланялся нам вслед.

В памяти его, вероятно, теперь к коллекции образов платежеспособных клиентов, новым русским в черном, чиновникам в костюмах и блатным в наколках добавился еще один вариант – человек в телогрейке.

«Я не мизантроп, но... Впрочем, скорее всего, и нет этой коллекции, потому что нет у таких людей в голове жесткого диска для хранения информации, нет постоянной памяти, а только оперативная, объемом минут десять», – подумал я цинично уже на морозном воздухе, подходя к машине.

13—20 декабря 2011 г.

Философия налива

На Волгоградском нефтеперерабатывающем заводе в начале девяностых годов я наблюдал такую картину. Эстакада налива дизельного топлива: железнодорожные пути идут стальными стрелами к огромной ржавой конструкции из хитросплетений труб, узлов металла, лестничных маршей. Лето. Солнце в зените. Стоит обычная для этих мест жара, просто шкварчит кругом, кузнечики в высохшей до саксаульного, почти сакрального состояния траве бодро стрекочут. Густо пахнет разогретым гудроном, машинным маслом – чем-то в этом роде. Я исполняю обязанности менеджера по экспорту и должен забрать в здании операторной документы на вагоны у работников эстакады налива. Заводчане называют их обычно кратко, сочно и ласково – «наливщицы». Подъезжаю по разбитой временем и колесами бетонной полосе на вишневой «Ниве». Уже издали присматриваясь к эстакаде, начинаю понимать, что там происходит нечто интересное, необычное. По крайней мере, таких технологий я до сих пор не видел нигде и никогда. На погрузке стоят парами шестнадцать бочек, шестнадцать покрытых разномастными грязными потеками вагон-цистерн. В горловины опущены наливные трубы (диаметром, вероятно, в локоть), и из каждой с напором пожарного брандспойта хлещет дизтопливо. Летнее дизельное топливо цвета топаза. Все ци-

стерны переполнены, дизель голубоватыми волнами стекает по лоснящимся бокам вагонов. Вокруг эстакады набралось ароматное озеро. Мне с трудом удается найти проход к домику операторной, пока он еще не стал островом. Поднимаюсь по металлической ржавой лестнице с оторванными перилами и распахиваю дверь. Около замызганного хромого стола сидят три «икряные» (как любил говорить мой водитель Коробкин) «наливщицы» в косынках и дуют чай. Как водится, бутерброды с колбасой, яйца, помидоры, огурцы – в общем, хлебосол на газетках.

Я сдержанно и как бы стесняясь своего дилетантства, юности:

– Привет, девчата. Может, я чего-то не понимаю... Вы там что, вагоны промываете?

Трапеза прекращается: застывшие взгляды, оцепеневшие руки. Практически финальная сцена из гоголевского «Ревизора». В наступившей тишине едва слышно, как где-то в отдалении известно что льется и журчит. «Наливщицы» всплескивают руками и подсакивают. Раздается специфичный женский мат – взаимные оценки поступка в негативном ключе.

Судя по их словам, бригада у них тут собралась – сборище животных и инвалидов. Как перепуганные кошки, они срываются с мест и, перепрыгивая с кочки на кочку, чтоб не замочить ноги в дизельном озере, бегут закрывать вентили на трубопроводе. Забыли.

Время от времени мы очень эмоционально переживаем маразм, случающийся в нашем мире, и волнуемся, волнуемся, волнуемся, затем взрываясь уже по любому поводу. Почему? Технологии осложняют нашу жизнь и придают ей динамизма. Как быть? Спустя двадцать лет выслушав этот рассказ, один мой знакомый профессор (или доцент) философии дал совет, что в таких ситуациях «нужно уделять больше внимания развитию личной компетентности в области профессиональных коммуникаций, риторики и культуры общения». Я думаю, сегодня моими «наливщицами» этот совет был бы воспринят благосклонно – минимум, как приглашение к вечеру. Но где теперь этот стол, бутерброды и чай, лестница и озеро топлива, кузнечики и сакральный мир?

Июль 2010 – март 2020 гг.

Техника безопасности

Летом 2008 года мой шеф, никогда ранее не имеющий отношения к строительству, вдруг решил открыть строительный бизнес и по рекомендации главного бухгалтера принял на работу руководителя нового направления. Это был полный, почти лысый, с кудрявыми рыжими остатками былой роскоши на затылке, улыбчивый мужчина лет пятидесяти. При первой встрече он осторожно протянул пухлую розовую ладонь для мягкого рукопожатия и с каким-то детским выражением на лице представился:

– Очень приятно! Володя!

На первый взгляд мне почему-то показалось, что Володя не может быть тем человеком, который соберет команду и построит дом. Мои сомнения появились в тот день, когда однажды он в ожидании шефа перед совещанием решил скоротать время и зашел в мой кабинет. Налив чашку зеленого чая, хрустя сушками и шумно прихлебывая, он неожиданно разоткровенничался и поведал мне следующую историю:

– Я нефтяник со стажем. Тертый калач. А тертый калач в любом деле справится. Да. Нефтебаза – это не просто так. Это прежде всего техника безопасности. В девяносто пятом году я работал директором нефтебазы. Нефтебаза маленькая была, при каком-то раньше автобусном парке функционировала. Потом ее, как говорится, директор прихватизировал

и продал какому-то малиновому пиджаку. Ерундовая нефтебазка. Так себе. Всего-то там можно было одновременно пару вагонов слить да один бензовоз налить. Раньше еще и колонки две были, чтоб могли через пистолет автобусы и машины заправляться. Но после того как новый русский купил базу, приказал демонтировать колонки. Сказал – чтобы воровства не было. Боком, конечно, это ему вышло потом. Лучше бы оставил. Но кто его знает, как будущее сложится. Думал, чтоб воровства не было. Думал, как лучше. А получилось как всегда. Хотя если все правила соблюдать, особенно пожарной безопасности правила, то все бы и хорошо было. Хотя и тут кто его знает? У меня вон один знакомый на заднем дворе нефтебазы шашлыки жарил с сотрудниками, и ничего. Хорошо, собака, умел приготовить. Он бывший афганец, говорит, что талибы научили его из барана готовить. В ста шагах емкости с бензином, а они собрались и отметили день нефтяника. Водка, шашлык, арбузы. И жены пришли, и дети. В общем, так. И ничего. Попили, поели, сплясали и разошлись. Ничего не случилось. Так что тут и судьба, видно, иногда руку прикладывает. Мне кажется. Не об этом речь. В те годы ездил я на «Тойота Камри». Купил бэушную, трехлетку, хорошая тачка. Остановился перед зданием управления базы, смотрю – лампочка топливного датчика горит, а когда она загорелась, не видел, может, бензина осталось всего ничего. Думаю, не буду делать так, чтобы бензонасос воздух прохватил. Вдруг там бензина

на один чих осталось. Говорят, если бензонасос хватанет воздуха, может и заклинить. Не знай, отремонтируют, не знай, нет. А новый бензонасос стоит баксов триста. На фиг мне такой геморрой. Не буду. Заглушу. Попрошу оператора набрать канистру и потом аккуратнo через вороночку залью. С тем вышел из машины, пошел планерку проводить. Поделал все дела быстренько, документы подписал и говорю оператору. Здоровый рыжий детина работал на базе у меня. Говорю: «Вась, сходи-ка ты в насосную, плесни девяносто пятого». А он мне: «Неохота руки пачкать». Я, говорит, ночную смену уже сдал, помылся, в чистое оделся. Не. Спросил я его, где сменщик. Он мне: «Вон бензовоз льет». Выглянул я в окошко – и правда. Вот удача. Бензовоз как раз закончил заливаться, подъехал к воротам, наливщик уже слез с эстакады и идет в операторную. Я к нему с канистрочкой. И до чего народ тогда вредный подобрался! Петька, молодой наливщик, мне: не хочу идти в насосную, давай, говорит, налью тебе с бензовоза. А бензовоз тот, только что под завязку залитый девяносто пятым, стоит около нас, на выезде у ворот. Только, говорит он, двадцать литров он не даст, а вот бутылку литров пять нальет, щас принесу. И не успел я глазом моргнуть, как он мою алюминиевую канистру отставляет, вытаскивает из-под лавки, что стоит около здания управления, пластиковую пятилитровую белую и бежит к бензовозчику. Договорился о чем-то. Водитель вылез, торопится, опаздывает, видно. Плюс тут еще все одно к одному – бензо-

воз его какой-то старенький был. Такие еще «рюмкой» называют. Берет тонны полторы или две. На базе «ГАЗона» стоит зеленая бочка, сверху люк для налива, сзади труба со шлангом для слива, снизу какой-то крантик приварен. Вот и говорит водила оператору: «Лезь под бочку, открывай крантик, тока быстро, а то я опаздываю». Петька ставит канистру на землю и начинает вертеть кран под пузом бензовоза. Я смотрю и чувствую – что-то не так. Канистра-то пластиковая! Нельзя в нее по технике безопасности наливать, может статическое электричество в ней образоваться, и проскочить может искра. Если мы солярку льем, да и хер бы с ним. Ей все равно, ее только открытым огнем поджечь можно. А вот с бензином так нельзя. Почему, например, заземление делают и все, что с бензином контакт имеет при наливке или сливе, трущеся, что ударить может, делается из металла, который при ударе не высечет искру? Именно поэтому. Гляжу я на него и говорю: «Петь. А Петь. Слышь. Не надо. Пластик ведь». А он мне: «Не ссыте, товарищ директор. Все будет в порядке». И откручивает. Брызнула струя, и как пыхнет от канистры! Не знаю, как успел оператор отскочить. Закон подлости, как говорится. Канистра вспыхнула факелом, перевернулась и разлилась. Лужа под бензовозом горит. Оператор глаза вытаращил. Водила орет отборным матом, срывается с места, ищет в кабине огнетушитель. Раз его ручку дернул, а он пшик! – белую струйку спустил и все, кончил. Пустой или просрочен был. Петька, дурень,

вместо того чтобы схватить лопату с пожарного щита и песочком посыпать... Оно бы все, может, и обошлось тогда. Он в панике хватает ведро с грязной водой, которое уборщица забыла у дверей после утренней уборки, и плескает под бензовоз. Вы когда-нибудь жарили картошку? Сами? Ну, если плеснуть на раскаленную сковороду с маслом водичку? Не пробовали? И не надо. Температура горячего масла выше температуры кипения воды. Капли воды, попадая в масло, вскипают за доли секунды. Превращаются в пар моментально и просто взрываются, разбрызгивая раскаленное масло вокруг. С бензином дело точно так же. Крутизна момента только здесь заключается в том, что он еще и горит. Картину представляете? Петя с размаху вкатывает ведро воды в лужу горящего бензина. Шарах! Все. Бензовоз загорелся. Народ выскочил из управления и видит – горит бензовоз. Польша! Еле-еле мы успели скрутить несчастного бензовозчика, который собирался нефтебазовскими огнетушителями гасить бочку. Посмертно стать героем за хозяйское барахло никто не хочет. Все стали разбегаться кто куда. Вызвали, конечно, пожарных. Но было уже поздно. Бензовоз через полминуты взорвался. Ну, короче, сгорела база. Вместе с управлением. Как свечка сгорела. Пожарные приехали уже угольки тушить. Слава богу, никто из работников не сгорел. Вот так, блин, я заправился. Концы потом долго искали – кто виноват, с кого убытки снимать. Ничего так и не нашли. Хозяин в конце дела утешился страховкой. Народ остался без

работы. Оператор брови подпалил, отделался испугом. Во-дила, правда, наверно, выплачивал за бензовоз. Ну, не знаю, он не местный был, пришлый. Может, и его машина была. Может, и не выплачивал. И потом, что это за машина «ГАЗ-Зон»? Не бензовоз, а так, как говорится, рюмка. Чего эта старая рюмка может стоить? Копейки. Главное, что все живы и здоровы. Во история. Во сюжет для учебника! А мораль тут простая. Простая мораль. Технику безопасности соблюдать надо. Соблюдать. Придумали ее не просто так. Это я человек везучий, а бывает вон оно что. Не приведи господи, что может случиться.

С этими словами он звонко поставил пустую чашку на блюдце и, подмигнув, добавил:

– Ладно. Пошел я Виталича ловить. Объект строить будем.

Как только его круглая фигура вразвалку скрылась за дверью, я почему-то вспомнил, что наш шеф не имеет привычки что-нибудь страховать. Ну, кроме ОСАГО, конечно, от которого просто не отвертишься.

12 декабря 2011 г.

Корпус второй. Тараканьи бега

Три сказки для взрослых

Невероятная история

Сказка на ночь

Свет открылся и закрылся. Что-то с шуршанием, захватив собой поток свежего воздуха снаружи, скользнуло внутрь и затихло. Истертая, грязная, выдавшая виды купюра номиналом одна тысяча рублей лежала в пленочном пакетике уголовного дела и мирно спала в ожидании очередного дотошного эксперта, озабоченного следователя или чьих-либо еще заинтересованных рук, когда ее разбудило неожиданное вторжение незваного гостя. Тонкопалая женская рука (купюра в тысячу рублей не успела заметить подробности – кольца, морщины, маникюр, браслет) быстро закинула в папку какой-то разноцветный небольшой листок и исчезла так же молниеносно, как и появилась. Тысяча проснулась, вспомнила, где находится, и ей стало грустно, потому что теперь, по всей видимости, ее жизнь, наполненная приключениями, закончится и еще потому, что только здесь, в уголовном деле, ее часто и незаслуженно стали называть пренебрежительными кличками – косарем, косулей, косой, тонной, куском.

До этого она встречалась, конечно, со случаями, когда какие-то отморозки называли ее штукой, один раз смешной пузатый человек в мощных роговых очках с хохотом сказал про нее – Ярославль. Но до последнего дела для нее это были экстремумы жаргонных эпитетов. А вот с миром блатарей, предпочитающих погоняла, она никогда так близко не сталкивалась. Ее родное полное имя было одна тысяча рублей. Кратко – просто тысяча. Под закрытой обложкой не было ничего видно, но тысяча чувствовала рядом неопределенное движение, некто дышал, сопел и ворочался, издавая при этом сильный запах свежей секретной краски монетного двора.

– Новичок, – с чувством превосходства подумала старая купюра, но ничего не сказала. Она считала, что нельзя уронить собственное достоинство и снизойти до того, чтобы, учитывая высоты своих лет и опыт, первой начать общение с молодой денежкой. Между тем новичок опять беспокойно зашуршал.

– Эх, молодо-зелено. Все бы им шустрить. Суета. Энергия, – старая купюра продолжала размышлять, но молчала. Правда, сон полностью улетучился, и ей уже самой хотелось поинтересоваться, кто и почему оказался в ее папке (а она могла считать эту папку своей, поскольку была единственным денежным знаком, приобщенным к делу). Некто засопел и громко чихнул.

– Будьте здоровы, – вырвалось у тысячной купюры, и она

сначала пожалела о несдержанности, но потом подумала, что в принципе правила вежливости есть правила вежливости, а кроме того, весьма вероятно, новичок даже не догадывался до сего момента о чем-либо присутствии вообще.

– Спасибо, – ответил тоненький голосок, и еще сильнее запахло краской монетного двора.

– Давайте знакомиться, – хриплым прокуренным тембром пробубнила старая купюра. – Я – тысяча. Одна тысяча рублей. Образца одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

– А я двести рублей, – ответил новичок.

– Шутки ваши плоские, как и вы сами, – тысяча обиделась. – Такого достоинства не бывает.

– Я новая. Нас начали выпускать с октября семнадцатого. Я в первых партиях. Смотрите, – незнакомая банкнота повернулась так, чтобы пробивающий в узкую боковую щель свет солнечный луч немного попал на нее.

– Ого! – воскликнула тысяча. – Вы и правда настоящая! И вы так похожи на иностранку!

– Да?

– Да. Да. Поверьте, – старая купюра закашлялась. – Нет. До доллара вам, конечно, далеко. Я не могу. Это уж было бы слишком нагло. Сравнить вас, провинциала, с настоящим американцем. Но честное слово, если бы я не умела читать, то подумала бы, что вы из семьи евро. Вы просто красавица.

– Спасибо, – ответила молодая двухсотрублевка.

– Вообще-то, я патриотка. Но сами понимаете, какие весовые категории у доллара и, простите, у нас, старых добрых рублей, – добавила тысяча, поясняя свое политическое кредо. – А что на вас там нарисовали? Столбы какие-то? Утки летают, вижу, по вам... по вас... неважно. Утки нарисованы зачем? – спросила тысяча.

– Это город есть такой. Город на море. Короче, порт. В городе стоит памятник затопленным кораблям. Волны видите? Вот море и памятник и нарисовали на мне, – пояснила двухсотрублевка.

– А кто затопил корабли? – сурово спросила тысяча.

– Не знаю. Говорят, что большевики. Сто лет тому назад, – продолжала двухсотрублевка. – Кстати, на моем обороте тоже колонны. Смешно, но вот такая я вся колосистая.

Новенькая купюра попыталась перевернуться, но у нее ничего из этой затеи не вышло, и она вздохнула:

– Тесно, не получается. Я тогда расскажу. На обороте тоже памятник, но древний, с колоннами, и вход каменный. Город был такой, древний греческий торговый город. Над входом написано название города, – добавила двухсотрублевка. – Но это название не того древнего города, а название нового города, где сейчас эти древние развалины стоят. Больше я ничего не знаю. А вы? Вы можете рассказать о себе? Что за дядька в круглой шапке нарисован?

– Это не дядька, а царь, – фыркнула тысяча. – Эх ты! Темнота!

– Извините, не знала, – прошептала смущенно молодая купюра, и на ней, казалось, еще острее проступил зеленый цвет.

– Царь был такой. Русский царь. Теперь город так называется. Его именем, – возмущенно сказала тысяча, но заметив, что собеседник совсем забился в смущении и молчит, смягчилась. – Ладно. Понимаю. Молодая ты. Ничего не видела чисто по жизни.

– Да. Мне от роду всего пара месяцев. Вы уж извините, не хотела. Я тут случайно, – ответила двухсотрублевка.

– Вот именно, расскажи мне лучше о том, как ты сюда попала. В этой папке случайных денег быть не может, – тысяча вздохнула, мысленно посетовав на свою долю и с завистью косясь на новенькую зеленую купюру.

– Я? Я тут случайно...

– Я тоже не на курорт приехала и не по своей воле тут лежу, – сказала тысяча раздраженно.

– Я не в том смысле, – двухсотрублевка продолжила свой рассказ. – Я в том смысле, что меня закинули сюда временно. Чтобы на столе не валялась. А хозяйка торопилась. Она сняла меня в банкомате вчера и положила к себе в кошелек. Сейчас достала, чтобы кому-то отдать, как она сказала, «скинуться на день рождения». А тут в кабинет кого-то завели в наручниках. Она не успела меня отдать и просто забросила со стола в ближайшую папку. Таким образом, думаю, скоро меня достанет и отдаст в другие руки. И тогда я выполню

первую в своей жизни благородную задачу – послужу людям. В первый раз, так сказать, кому-то купят подарок на день рождения благодаря мне.

– Ага. Благородную. Ага. На благо, – усмехнулась старая купюра. – Знаю я цену этому благородству и благам.

– Почему вы так думаете? – удивилась молодая купюра.

– Жизни ты не знаешь! – огрызнулась тысяча.

– Ну, это понятно! – ответила двухсотрублевка. – Но почему вы так пессимистично смотрите на жизнь?

– Почему? – криво и зло сказала тысяча. – Я сейчас расскажу тебе почему. Слушай. У тебя времени мало, но я постараюсь просветить тебя успеть до того, как ты отправишься в путь-дорожку дальнюю. Это твой первый опыт?

– Да. Я же говорю... Я только вчера из банкомата. До того меня туда загрузили инкассаторы. А они привезли меня с другими двухсотками с фабрики, – пояснила двухсотрублевка.

– Понятно. Понято. Слушай, короче, – начала тысяча. – Родилась я, как и все мы, впрочем, рождаемся, на фабрике Гознака. Напечатали нас, разрезали, разложили, связали и в пеленочку-пленку упаковали. Первый раз меня в конвертах выдавал известный вор Мордвинов. Но тогда никто, конечно, этого не знал. И я тоже не знала. Потом уже, когда лежала в конверте, в сумочке бухгалтера, я поняла, кто такой этот Валерий Тихонович. Тишайший был человек... Так вот. Значит, переложили меня в банке из хранилища в чел-

ночную клетчатую сумку, и поехала я с кассиром на неф-тезавод. Истории все короткие. Много у тебя времени я не займу, а рассказать надо тебе, дружок, чтобы ты понима-ла, что чем больше у нас нулей, тем контрастнее, так ска-жем мягко, жизнь доведется увидеть. Не знаю, как там жи-вут шиллинги и доллары, а мы вот как... Выдали меня зар-платой одной бухгалтерше. А та, значит, ремонт в кварти-ре делала, и по проекту дверь ее сортира на кухню выходи-ла. Ну что здесь такого, казалось бы? Где жрем, там и срем, да? А вот нет. Нельзя у нас так. Аппетит испортить, навер-ное, можно. Перепланировку квартиры делать надо. Пошла бухгалтерша к главному архитектору района. Согласовывать проект и утвердить перепланировку. А тот и говорит, что, мол, нельзя. А та взяткой меня сует тому в руки. Фамилия того архитектора Барабанов. Смешно, да?

Маленькая зеленая купюра внимательно слушала и благо-говейно молчала, внимая рассказу опытной соплеменницы.

– Дает меня ему. Взятка типа, – говорила старая купюра, незаметно для себя переходя на жаргонные словечки. – А тот Барабанов испугался да как заорет: «Вы что! Вы не на базаре!»

– А хозяйка твоя что? – спросила двухсотрублевка.

– Удивилась, – ответила тысяча. – Говорит: «А что такое? Мало?» А Барабанов побелел и кричит: «Вон!» А хозяйка и ушла. В приемной ей секретарша сказала, что так взятки сейчас уже не дают, что у Барабанова есть своя проектная

фирма и только через нее сделанные проекты подписывает Барabanов. Вот какие дела! Но все-таки взяткой я стала. Хозяйку остановили на дороге милиционерские, и она за тонировку меня отдала.

– Да? – удивилась двухсотрублевка. – А что это?

– А это когда окна в машине от солнца заклеивают, чтобы жарко не было в машине.

– А что, нельзя, чтобы солнце закрывали?

– Не знаю. Милиционерские говорят, что это нарушение закона. А какого закона? Зачем? Не знаю. Говорят, чтобы террористы не могли укрыться или чтобы оружие не могли перевозить скрытно, – ответил тысяча.

– Странно, – ответила новая купюра. – Я думала, что террористов должны не высматривать по окнам, а ловить специальные службы со специальными подготовительными мероприятиями. И оружие не возят в салонах машин, как макулатуру.

– Да? – удивилась тысяча. – А говоришь, ничего не знаешь.

– Ну это так, – смутилась двухсотрублевка. – Подслушала случайно разговор инкассаторов.

– Ну, в общем, довелось мне взяткой побывать все-таки, – гордо сказала тысяча. – В этой стране жить и не быть взяткой – это просто невозможно. Каждая порядочная купюра хоть раз в жизни обязана побывать взяткой. Запомни, дорогуша.

– А что было потом? – спросила двухсотрублевка.

– Потом? – задумалась старая тысяча. – Потом меня от-дали за услуги проститутки.

– Даже так было? – сочувственно спросила новенькая.

– Да, – старая купюра вздохнула и, почесав бок, продол-жила: – Когда клиент после того, как все дела сделал, спро-сил у девки в порядке любопытства, зачем она продает себя, то та сказала, что нет денег на детское питание, нужно ребен-ка кормить, а работы нет, вот и перебивается этим занятием.

– Каждый из нас в конце концов продает себя подороже, – согласилась двухсотрублевка.

– Ну, знаешь. Нельзя же самое святое... – проворчала ты-сяча. – Я все понимаю, но не так же.

– Кто бы говорил! – вспылила молодая купюра.

– В принципе, да, – вздохнула тысяча. – Каждый зараба-тывает как может и чем может... Но ладно. Чего я буду тебе свою биографию пересказывать! Уснешь, – тысяча посмот-рела внимательно всеми своим нулями на молодую зеленую купюру, но двухсотрублевка так не считала, и к тому же она от рождения была вежливой.

– Ваш рассказ как кино! Что вы! – ответила она. – Вы лучше расскажите, как попали сюда, в папку следователя.

– Ах, это, – вздохнула тысяча и поймала себя на мысли, что часто вздыхает по любому поводу.

«Старею», – подумала она, но не сказала вслух.

– Это было интересно, – сказала она. – Видишь вот это

пятно на моем крае справа внизу?

Двухсотрублевка попыталась изогнуться, чтобы взглянуть на тысячу.

– Да. А что это?

– Это? Это кровь.

– Боже! Какой ужас! Настоящая кровь?

– Да. Кровь убитого человека.

– Кошмар! Что вы говорите! – двухсотрублевка съежилась, и ее уголки похолодели.

– Да, милочка, – спокойно и с достоинством продолжила тысяча. – Поэтому я здесь. Я свидетель!

Воцарилась короткая пауза, которую старая купюра старалась выдержать нарочно, чтобы подчеркнуть значимость события и трагизм ее судьбы, а молодая купюра уже боялась почему-то спросить.

– Это был ужасно, – прервала наконец паузу тысяча. – В прошлом году... Ты не боишься?

– Не, – сказала двухсотрублевка. – Интересно.

– Жуткая история. Перед сном лучше не рассказывать, – продолжала мрачно старая купюра. – Но слушай тогда. Начну с короткой предыстории, как я вообще попала туда.

Снаружи вдруг чья-то сильная рука подхватила папку с делом. Банкноты притаились и почувствовали, как их резким движением подхватили и с тошнотворной скоростью закинули на верхнюю полку шкафа.

– Что это? – спросила через минуту младшая купюра.

– На полку дальнюю положили. Допрос сейчас услышим, – ответила тысяча, уже умудренная опытом.

– Ух ты! – воскликнула двухсотрублевка. – Интересно.

– Ничего интересного, – сказала старая купюра. – Раньше было интереснее. Мне как-то рассказывал старый червонец, когда я жила в кошельке коллекционера, что в старые времена он жил у одного комиссара в кармане, и тот на допросах любил бить заключенных. Вот интересно было. А сейчас не то. Неинтересно. Раньше могли зубы выбить на спор одним ударом. А сейчас что? Ну, максимум ласточку загнут, палкой настучат по пяткам. Неинтересно.

Маленькая зеленая двухсотрублевка слушала затаив дыхание, и ей становилось с каждым словом все страшнее.

– Ладно. Слушай, – проложила тысяча, – как я жила у лодоеда.

На шкаф не попадало вечернее скудное солнце, и оттого в полумраке страниц уголовного дела рассказ старой банкноты приобретал какую-то зловещую окраску.

– В тот раз мной расплатились за мясо на базаре. Чиновник какой-то с кожаным черным портфелем получил наперед в пятницу зарплату, и я лежала в его портмоне рядом с визиткой, на которой было написано «НК СусликГаз». Кто такие суслики и что такое газ, я знаю, но почему два слова пишут вместе, я так и не поняла. И что такое НК, тоже не поняла. Может, это общество «народный контроль»? Но неважно. Решил он, то есть этот кадр из «СусликГаза», поехать

на шашлыки. Друзья поручили ему купить мясо на рынке. Вот он и расплатился мной.

– И что дальше?

– Так я попала из мира лощеных бумаг, визиток и пахнущего парфюмом портфеля менеджера в красные засаленные руки продавца мяса, – ответила тысяча.

– Неужели... Он купил...

– Не перебивай. Нет. В этот раз свинина. Это была обычная свинина, – сказала тысяча. – Главное впереди. Это была бабка. Старая бабка лет восьмидесяти. Она работала мясником на скотобойне. А на рынке приторговывала ворованным мясом с комбината. К вечеру, когда рынок закрылся, она пришла домой вместе с сожителем, – тысяча поморщилась и вздрогнула. – Как можно! Но факт. Сожитель был моложе ее лет на тридцать. Выпила самогонки вместе с сожителем. Разговор – слово едкое, мысль ревнивая. Бабка вспылила и своего мужичка по голове скалкой шарахнула. А тот возьми и помри на месте. Кому в тюрягу охота на старости лет? А бабуся та крепкая – два метра в плечах, в объёме что сосна столетняя, крепкая. Ну, она и того – разобралась по профессиональному с телом. Мясником все-таки проработала всю жизнь. Ей разделать тушу – что колбаски нарезать. Она и разделала своего сожителя. Что-то на базаре продала, что-то в морозильник сунула, холодца наварила – соседей угостила.

– А пятно, – перевела дыхание двухсотрублевка, – пятно

откуда... как?

– Ах, пятно! – воскликнула тысяча и буднично пояснила: – Так перед тем как, значит, вот эти дела, она нас пересчитывала после торговли, и на табуретки мы лежали. А она как начала топором рубать жениха своего, тут на нас и полетели ошметки, кишки.

– Как же нашли? – спросила новая купюра.

– Обычное дело, – засмеялась старая банкнота. – Как водится в фильме ужасов. Соседи ноготь нашли в холодце. Такие дела... Нас изъяли, к делу подшили. Соседи блевали три дня. Бабка в тюрьме.

Установилось молчание. Двухсотрублевка представляла себе ужасные картины – одна кровавее другой, а старая тысяча думала о том, что все-таки прожила интересную жизнь и что иной раз один ее день был насыщеннее полной жизни какой-нибудь монеты, закинутой детской рукой в вечную копилку.

– Такая сказка на ночь. Так что, как говорится, мойте руки после нас, – наконец сказала тысяча.

– Понятно... – отозвалась зеленая двухсотрублевка.

– Но не мы грязные. Такими нас делают руки, – сказала тысяча. – В конце концов, что есть мы? Мы – это обезличенный эквивалент человеческого труда. Дистиллят. А уж как его применят, не от нас зависит. Купить ребенку молоко или дать взятку, заплатить за лечение врачу, спасти жизнь или продать человечинку. Кто это решает?

В этот момент папку подхватила невидимая рука, распахнулся свет, и новенькая купюра с морем, чайками и колоннами упорхнула, чтобы продолжить длинный противоречивый путь. А старая тысяча только и успела проводить ее печально взглядом трех глаз. Она так и не узнала, что по этому поводу думает новое поколение молодых банкнот.

16 июля 2019 г.

Свобода слова

Сказка-быль

– Пиши, Аня, пиши! С большой буквы! – громко сказал член младшего госсвета Республики, дожевывая пирожок с мясом и вытирая пятерню о фалды синего мундира. – Указ.

Писарь и по совместительству помощник члена Совета Республики, кудрявая девушка с длинными, густыми, тщательно обработанными перекисью водорода волосами, плоской грудью и огромными бедрами, обмакнула высокое гусяное перо в чернильницу. Затем, аккуратно стряхнув лишнюю каплю, наклонилась над листом бумаги, выводя каллиграфическую заглавную букву.

– Указ. Именем короля мы, малый государственный совет, повелеваем, – член совета прервал речь и, заглядывая помощнику сзади через плечо, осведомился: – Поспеваешь, Сунган?

– Да, Ваша честь, – Аня тряхнула кудрями, ее почти бесцветные глаза ничего не выражали. – Поспеваем, Сан Саныч.

Аня Сунган высунула от усердия язык и выводила начало спирали заглавной буквы:

– Жаль, что на принтере нельзя. И черновик писать не разрешается.

– Нельзя, Аня. Нельзя. Все указы пишем вручную. Давно уже. Закон такой есть, – ответил Сан Саныч, выбирая в па-

кетике глазом следующий пирожок. – В прошлом году помнишь? Ты помощник члена совета. Ты обязана все это помнить.

– Помню, Сан Саныч, – ответила помощница. – Совет экс-трасенсов настоял, чтобы от сглаза, а еще, значит, и для придания животворящей силы тексту закона следует писать закон вручную.

– Именно! – ответил начальник и, откусив пирожок, добавил: – С повидлом попался, не люблю...

– Оставьте мне, – простодушно сказала Аня.

– Да? Ну, и то верно, – Сан Саныч положил надкусанный пирожок на край стола и продолжил: – Ладно, не отвлекаемся! Пиши. А то много работы!

Перо скрипело по бумаге, Аня часто обмакивала его в чернильницу, смахивала лишнюю каплю и старалась успеть вывести очередное слово.

«Имянем вирховнаго правитиля мы, члены младшего гасударственнаго савета, повиливаем. Ф целях сохранения национальнoй айдентичности писать па рускаму языку фсе слава так, как они звучат. Измения внести ва фсе славари и книшки новые. А также в праграмы абучения дятей. Абжалаванию укас не падлежит. Точка».

Сан Саныч замолчал, подошел к Ане, внимательно пробежал глазами по тексту, который неряшливо вывел помощник.

– А почему у тебя молдавская фамилия? Никогда не об-

ращал внимания, – вдруг спросил Сан Саныч.

– Это фамилия мужа, – ответила Аня настороженно. – Я по национальности тоже не совсем русская, но не молдаванка. А что?

– Нет, ничего. Писательница была такая. Франсуаза Саган. Вспомнилось... Так. Все хорошо. Слово «точка», балда, зачеркни. Это не слово, а настоящая точка. Знаешь, что такое точка? Эх! Всему вас учить, – сказал он, и Аня, торопливо вычеркнув последнее слово, старательно вывела в конце текста жирную точку, похожую на кляксу. – И поставь ниже сегодняшнюю дату, – добавил он и после того, как Аня вписала торопливо «четвертое июля две тысячи тридцатого года», выхватил у нее листок. Еще раз пробежав по тексту глазами, Сан Саныч удовлетворенно хрюкнул и выбежал из кабинета. Дверь хлопнула. В наступившей тишине захрустел пакет с выпечкой. Аня откусила румяный краешек пирожка и сделала звучный глоток из большой белой чашки с крупными алыми горошинами по периметру. Затем долго смотрела в окно, где с грустного серого неба срывались ноябрьские одинокие снежинки.

– И зачем это нужно? Всю жизнь работаю у него и ничего не понимаю, – громко чавкая, сказала она сама себе. – Моему сынку уже двадцать и безо всякой грамоты хорошо живет. Штукатурят с папой Арамом, плитку кладут, и нормально живем. Главное, что объекты есть.

Тем временем Сан Саныч уже входил в зал заседаний, на-

полненный разношерстным обществом и уже жужжавший, словно растревоженный улей: ожидался доклад, на котором должен был выступить вице-король. Председатель набросил на голову парик и, накинув поверх него треуголку из черного сукна, занял свое место за длинным столом в президиуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.